

СМЕНА

8

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Поёт наша молодость

Слова Юрия КАМЕНЕЦКОГО.

Музыка Ильи ГОРИНА.

Видно, у нас
Бесполоная очень судьба:
Нас манит Марс
И за кубок футбольной борьбы,
Вершины заснеженных гор
И звонный весенний простор.
Любим лететь и глядеть
И раскаты встречать.
И плакото в том нет,
В наши двадцать лет.

Шагать нам положено
По тропам нехоженым,—
Мы народ молодой,
Беловой, Боевой,
С комсомольской гордичей душой!

Нам ли не лететь,
Если в сердце динующий май!
Нам ли не лететь,
Если молодость бьет через край!
Ей всюду открыты пути,
И песни, как птицы, летит
По тайге, по полям,
Вслед морским кораблям.
Песня — спутник побед
В наши двадцать лет.
Припев.

Припев:
Поет наша молодость,
Имучая молодость,
И льется песня конности
О радости и мужестве.

Оригинально, с гитарой ру. Облик или для

Видно, у нас бесполоная
Судьба: нас манит Марс
И за кубок футбольной борьбы,
Вершины заснеженных гор
И звонный весенний простор.
Любим лететь и глядеть
И раскаты встречать.
И плакото в том нет,
В наши двадцать лет.

Шагать нам положено
По тропам нехоженым,—
Мы народ молодой,
Беловой, Боевой,
С комсомольской гордичей душой!

Нам ли не лететь,
Если в сердце динующий май!
Нам ли не лететь,
Если молодость бьет через край!
Ей всюду открыты пути,
И песни, как птицы, летит
По тайге, по полям,
Вслед морским кораблям.
Песня — спутник побед
В наши двадцать лет.

Припев:
Поет наша молодость,
Имучая молодость,
И льется песня конности
О радости и мужестве.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Апрель. № 8. 1958 год.

Год
издания
35-й

ОКРЫЛЕННЫЕ ДОВЕРИЕМ ПАРТИИ

Предздание XIII съезда ВЛКСМ. На трибуне — тов. А. Н. Шелепин.

Фото В. Володина и А. Пахомова.

Утро 15 апреля.

Сегодня Москва сделалась столицей юности. Со всех концов страны прибыли сюда на свой XIII съезд лучшие представители комсомола. И в их честь взирая над Большим Кремлевским Дворцом колеблемый весенним ветром алый флаг.

Пока еще куранты не пробрили десять, возвещая открытие съезда, делегаты знакомятся с Кремлем, восторженными глазами смотрят с вершин кремлевских холмов на раскинувшуюся внизу любимую Москву.

Отсюда, из Кремля, им хорошо видна вся столица с ее бесчисленными заводами, дворцами, стройками, институтами... Кажется даже, что за синеватой арельской дымкой становится зримой с этой высоты вся раскинувшаяся на десятки тысяч километров наша прекрасная Родина. А еще представляется человеку, входящему в Кремль, что каждое сказанное здесь слово слышно на всю страну.

Вот почему так трудно скрыть свой волнение и знаменитому украинскому ставропу Г. Пометуну, и суровому моряку с далекой Камчатки В. Михалеву, и загорелому, в тубейтее, хлопкоробу из Таджикистана Герою Социалистического Труда Т. Матказинову, и юному мастеру строительного участка Галине Черняевой, девушка с большими серыми глаза-

ми, в которых столько удивления, восторга и счастья.

— Гая, вы откуда приехали?
— С Алтая. В Москве я впервые в жизни.

— Нравится Москва?
— Ой, не спрашивайте!
Ценные трудовые подарки и добрые вести привезли в Москву посланцы многомиллионной армии комсомола. А еще эти ослепительные солнцем и ветром горячие люди в радужных златых и тубейтеех, в кубанках и черкизах привезли в столицу веселое дыняне трудной весны. И, извернувшись, от этого посрепел и стал быстро таять последний снежок под скамейками Александровского сада, набухли почки на липах, и московское солнце окончательно одолевало туманную хмурость.

Золотыми снопами падают орна Большого Кремлевского Дворца. И вдруг точно первая весенняя гроза врывается в зал заседания: это прокатывается по рядам грохот аллодисментов. На трибунах появляются руководители Коммунистической партии и Советского правительства.

Секретарь ЦК ВЛКСМ товарищ Шелепин объявляет съезд открытым.

В торжественной тишине проходит между рядами украшенное лентой орденами Знамя Ленинского комсомола.

С сердечным вниманием, как

слова любимого отца, как наказ муарого учителя, слушают комсомолцы приветствие Центрального Комитета КПСС XIII съезду ВЛКСМ.

Затем слово для отчетного доклада предоставляется товарищу Шелепину. Однако хотя доклад и называется отчетным, он весь устремлен вперед, в будущее, освещая не только пройденный за четыре года путь, но главным образом тот героический маршрут, который еще предстоит преодолеть молодежи.

И так же, как доклад, все последующие выступления делегатов съезда звучат боевой программой действий, наполнены горячим стремлением заглянуть в будущее, приблизить его.

По решению съезда объявляются ударными комсомольскими стройками строительство семи домн-печей, трех мартенов, девяти коксовых батарей, единнадцати прокатных станов и трубопрокатных цехов, Карагандинского и Западно-Сибирского металлургических заводов, Соколовско-Сарбайского, Ново-Криворожского и Качканарского горнообогатительных комбинатов, комплекса рудников в районе Курской магнитной аномалии, а также шахт в Кузбассе и Карагаде.

Съезд призывает новые отряды молодежи поехать на стройки в восточные районы, взять шефство над строительством предприятий

химической, газовой и нефтяной промышленности, активно включиться в работу по электрификации железных дорог, бороться за новый подъем сельского хозяйства. Жаждой подвига, тягой к героическим делам пронизаны слова делегатов, поднимающихся на трибуну XIII съезда ВЛКСМ.

От имени всей молодежи страны они голосуют за то, чтобы настежь распахнуть двери для романтики, для мечты, для дерзания, ибо что же такое романтика, как не стремление к героическим делам, не любовь к подвигу!

«Молодежи самостоятельно увлекаться романтикой. Это хорошо,— так говорит с трибуны комсомольского съезда встреченный бурными аплодисментами Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев. И он тут же напоминает молодым энтузиастам: великий ленинский завет: «Каждый день, в любом городе, в любой деревне решать практически ту или иную задачу общего труда, луский самую маленькую, пуской самую простую».

«Комсомол призван поддерживать и развивать у молодых людей любовь и уважение ко всякому делу, нужному народу, ко всякой профессии»,— говорит Н. С. Хрущев.

Значит, во всяком деле нужно уметь найти свою романтику.

...В зале заседания съезда не-

На трибуне XIII съезда ВЛКСМ Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев.

ожиданное оживление: звучат горны, гремят барабаны. Это пришли в Кремлевский Дворец с галстуками на груди, с песнями, знаменами и цветями те, кто со временем примет от нас бессмертную эстафету героических дел.

Характерно, что даже в традиционном приветствии юных пионеров съезду комсомола заметна гордая увлеченность романтикой и мечтой. Недаром целый отряд юных ленинцев пришел одетым

в костюмы стратонавтов, с нашивками на запячленных ранцах изображениями далеких звезд. И недаром внесли они в зал сверкающий макет межпланетного корабля! Наверняка кому-то из этих сегодняшних мальчишек случится и на самом деле вести в неизведанные края вселенной настоящие стратопланы.

И, конечно, каждый из них мечтает о том, чтобы вырасти кошками на своих старших брать-

ев — смелых, мужественных, умелых комсомольцев страны, которым всегда любое задание по плечу. Вот почему, обращаясь к комсомолу, они с любовью говорят:

Ты нам служишь примером
везде:
Дома, в школе, в учебе,
в труде!

...Четыре дня в зале заседания звучат высокие, горячие речи, идет напряженная работа.

Но стоит лишь председателю объявить двадцатиминутный перерыв — и вот уже гремят под бесконечным кружившим потолком Георгиевского зала задорные комсомольские песни. О любви к труду, о счастье борьбы, о романтике говорят слова этих песен:

«Комсомольцы — беспокойные сердца...»

«Дайте трудное дело...»

А в самом центре круглого Владимирского зала смуглый представитель Узбекистана Рахим Дадабаев поднял над головой звонку, похожую на луну дойру, ударил по ней ладонью, встрянул переличатые медные колески, снова ударил. И поплыли по зеркальному паркету стройные танцовщицы, студентка Сталина Касимова и мистерица высокой хлопковой урожаев Герой Социалистического Труда Соадат Гулахмедова.

— Иди с нами танцевать, не робей! — приглашает Соадат стацию в кругу русскую девушку.

— Я сибирячка, я узбекских танцев не знаю, — смущенно отвечает та.

— А мы научим!

И скоро уже русские девушки, украинские хлопцы, армяне, молдаване и татары — все вместе танцуют плавный и быстрый узбекский танец.

И ярче, чем в дворцовых зеркалах, отражается этот пестрый танец в широко раскрытых глазах темнотеющего зарубежного гостя марокинца Мохамеда Банжари. Невольно вспоминаются мне вот такие же восхищенные глаза французского писателя Жана-Пьера Шабрля на балу в Кремле в дни мимнувшего московского фестиваля.

— Я никогда не видел французскую молоденьку танцующей в залах Версальского дворца, — с удивлением проговорил тогда француз.

С огромным вниманием слушают делегаты выступления своих товарищей — посланцев всех республик нашей Родины и представителей сорока трех стран мира.

Фото М. Муразова.

А сын марокканского бедняка-крестьянина Мохамед Банкери, увидев это волшебное зрелище, сказал так:

— Мне кажется, будто я долго-долго был узником в темной камере и вдруг в яркий, солнечный день вышел из нее! Даже глазам становится больно!

Счастливым от всего, что довелось ему увидеть и пережить, Мохамед Банкери дружески обнимает своего ровесника из Узбекистана агронома Турсунали Матказинова и засыпает его вопросами.

Вдоль мраморных стен Георгиевского зала на столах и стенах выставляются подарки XIII съезду ВЛКСМ от советской и зарубежной молодежи. Здесь рядом с легким гоночным велосипедом, присланным комсомольцами харьковского завода, расположились новенький полированный электрический «комбайн», состоящий из радиолы, приемника и магнитофона,—подарок молодых рижан.

А возле искусно сделанной из цветных камней вазы с фруктами, что прислали комсомольцы Армении, красуется переливающаяся черным блеском глыба доносного угля. И это очень хороший подарок, потому что за последние куском антрацита нетрудно

рующую горячую любовь и уважение, которыми пользуются во всем мире славный Ленинский комсомол.

А по соседству с этой выставкой, в Грановитой палате, раскинул свои передвижные лотки книжные магазины Москвы. И, пожалуй, книгами делегаты съезда интересуются гораздо больше, чем древней росписью стен с Библейскими сюжетами. Тридцать тысяч книг продано здесь за четыре дня. Эта цифра говорит о многом!

Благодарю, после окончания заседаний, делегаты съезда, приехавшие из отдаленных уголков страны, с жадностью знакомятся с достопримечательностями столицы. В эти дни для них гостеприимно распахнуты двери московских театров, музеев, выставок, дворцов, концертных залов.

Не менее интересны для гостей встречи с производственными столицей, посещение заводов и фабрик Москвы. Молодые хлопководы из Средней Азии ведут беседы с ткачами, горняки астраханцы с металлургами, животноводы и мастера высоких урожаев хлеба — с учеными.

Большую группу делегатов съезда пригласили и себя в гости в Центральный дом литераторов, московские писатели. Взаимный разговор завязался у писателей с героями и читателями своих произведений. На встречах из Донбасса М. Лада, алтайский агроном Т. Казанцева, тракторист-целинник Н. Шкурина, секретарь Муравьевского обкома комсомола А. Белова деловито, скупкими словами рисовали перед писателями удивительно романтичные картины молодежи на полях, шахтах и стройках Сибири и Крайнего Севера. И все они в один голос повторяли, обращаясь к присутствующим писателям:

— Привяжите к нам: много интересного сюжетов написать!

Но вот и последний день работы съезда. Приняты боевые решения, определяющие деятельность комсомола на ближайшие годы: Гигантское строительство, воспитание молодежи, работа в школе, борьба за новый подъем сельского хозяйства, за культуру в деревне — таковы важнейшие задачи, поставленные съездом перед комсомолом страны.

Избирается новый состав центральных органов ВЛКСМ.

От имени всех советских юношей и девушек XIII съезд заверяет Центральный Комитет КПСС, что комсомол и впредь будет верным и боевым помощником Коммунистической партии в борьбе за коммунизм.

И когда поднимаются все присутствующие в зале посланцы многомиллионного комсомола страны и в последний раз дружно запевают всечестный гимн, то становится осязательным, каким огромным зарядом энергии наполнил их всех прошедший съезд. В этот момент делается зримой та безграничная, способная сдвинуть горы сила, которой наделила нашу молодежь мудрая партия коммунистов.

Игорь КОБЗЕВ

А сколько неожиданных встреч, интересных бесед! У председателя Смоленского колхоза «Правда» Анатолия Рассказова во время перерыва завязался оживленный разговор с дочерью Марией Заневской из Белорусии.

Тридцать тысяч книг продали делегаты съезда передвижные книжки, раскинувшиеся в Грановитой палате.

Вдоль мраморных стен Георгиевского зала были выставлены подарки съезду от советской и зарубежной молодежи.

Стоило лишь председателю обильно перерыв, как в просторных залах начинали звучать заводные песни, а иногда возникала и веселая пляска.

но разглядеть многие тысячи тонн угля, что выдают теперь нагорь горняки новых тридцати семи комсомольских шахт.

Общее внимание привлекает также управляемая по радио самодвижная модель крейсера-ракетнооса, изготовленная курсантами Высшего военно-морского инженерного училища.

Много ценных подарков прислали XIII съезду комсомольцы и молодежь сорока трех стран мира, представители которых приняли участие в работе съезда. Среди подарков знамена, вымпелы, модели кораблей, комплекты национальной одежды и даже один такой подарок, который не прошел в двери Кремлевского Дворца: это планер, подаренный молодежью Польши.

С большим интересом осматривают делегаты и гости съезда выставку подарков, демонстри-

Все интересно, когда впервые в Кремле.

ГОВОРЯТ ДЕЛЕГАТЫ XIII СЪЕЗДА ВЛКСМ

ЧЕМ ТЫ ВСТРЕЧАЕШЬ СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ?

На Сахалине я сравнительно недавно, но уже полюбил эти края. Полюбил безбрежные просторы океана, полюбил и свою замечательную работу.

Плавая я на рыболовном океанском сейнере «Олевец». Раньше его экипаж считался отсталым. Но вот пришли сюда комсомолы, молодежь, начали осанывать трудную, но почетную профессию рыбака. Примером служили передовые суда «Нахаж», «Нагорный», «Оз», «Обянь». Мы

познакомились с работой этих экипажей, перенияли их опыт, пересмотрели свои графики и уже в 1957 году выполнили план на 150 процентов. Наш экипаж получил звание комсомольско-молодежного.

Комсомольско-молодежный — эти два слова часто повторялись на XIII съезде ВЛКСМ. Их произносили люди, приехавшие в Москву из разных краев и областей. И независимо от того, говорилось ли о работе шахты или целинной тракторной бригады, — в этих словах чувствовалась гордость молодого поколения, строящего коммунизм.

В этом году наш комсомольско-молодежный экипаж в честь 40-летия ВЛКСМ взял обязательство выполнить две годовые нормы. И мы выполним. Следовало бы каждому комсомольцу задать себе вопрос: каким производственным подарком встречу я славный юбилей героического комсомола?

Александр ПОДДУБНЫЙ, капитан океанского сейнера «Олевец».

ПРОСТОР ДЛЯ ИНИЦИАТИВЫ И ТВОРЧЕСТВА

Этих дней мне никогда не забыть. В Большом Кремлевском дворце один за другим поднимались на трибуну делегаты XIII съезда ВЛКСМ — шахтеры, сталевары, трактористы, комбайнеры, доржники. Они рассказывали о комсомольских делах, подводили итоги проделанного, намечали задачи на будущее. Обсуждались на съезде и вопросы, которые мне, как преподавателю, особенно близки: о воспитании подрастающего поколения, о школе...

...Два года назад, окончив Красноярский педагогический институт, я приехал в село Мигин, Ермаковского района, и стала

преподавать в школе русский язык и литературу. Учитель — первый человек на селе. Но чтобы заслужить признание и любовь окружающих,

нужно жить заботами и радостями тех, к кому ты приехал.

Мы старались привить ребятам вкус к сельскому хозяйству. Старшеклассники нашей школы азились шефство над молочноотарной фермой колхоза, ребята 7-х и 8-х классов — над свинофермой, а пионеры — над птицеводческим хозяйством. Совместно с молодежью колхоза мы озеленили село, построили стадион. Колхоз стал для большинства учащихся родным домом. И потому то же

больше и больше юностей и девушек после десятилетки идет в артель.

Обо всем этом мне очень хотелось сказать с трибуны съезда, но разве возможно выступить всем делегатам! Мне хотелось пообещать, что мы сделаем еще больше, выполним задачи, которые поставила перед нами партия.

Людмила ЯКОВЛЕВА, учительница Мигинской средней школы, Красноярский край.

ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ В НОРИЛЬСК!

На XIII съезд ВЛКСМ я приехал из Норильска — одного из самых молодых городов нашей страны. Посмотрели бы вы, товарищи, какой это замечательный город — асфальтированные улицы, светлые дома, драматический театр, стадион, музыкальная школа, кинотеатры, больничный городок! Но, пожалуй, самое примечательное для Норильска — стройки. Растет и хорошеет город!

Когда я вместе с тысячами молодых патриотов ехал в Заполярье, думать пришлось жить в палатках. Но выпло по-другому: старожилы Норильска радушно встретили нас, предоставили обещания со всеми удобствами.

Правда, природа здесь суровая. Иногда морозы доходят до пятидесяти градусов, целыми неделями метут вьюги. Но комсомольцы никогда не бугали трудности. Каждый понимает: большое дело лежит на сверстниках.

В честь 40-летия ВЛКСМ комсомольцы нашей организации решили преподнести норильцам подарок — закончить строительство электростанции. Сейчас на всех участках этой стройки идет борьба за

перевыполнение плана. Так, в марте, готовя котлован, строители вынули около 500 кубометров грунта при норме 300.

Многие юноши и девушки приехали сюда, не имея специальности. Они получили ее здесь, на стройках. Многие уехали в школы рабочей молодежи, на подготовительных курсах институтов, в горнооблагодательском техникуме и заочном политехническом институте.

Интересная, увлекательная жизнь кипит в заполярном городе. Приезжайте к нам!

Людмила ИВАНОВА, прораб строительства электростанции.

БОЛЬШЕ ХЛОПКА — БОЛЬШЕ СИТЦА!

Когда в колхозе узнали, что меня избрали делегатом XIII съезда ВЛКСМ, один دهканки сказал мне:

— Счастливая ты, Соладат! Второй раз в этом году в Москву едешь: была на совещании хлопкоробов, а теперь будешь на съезде комсомола.

Что ж, я действительно счастливая. Только счастье мое особенное: оно вдвое старше меня, оно пришло на мою землю сорок лет назад и, как яркое солнце, согрело ее своими теплыми лучами. Моё счастье не больше, чем счастье любого из моих сверстников, получивших великое право на свободный труд...

Наше комсомольско-молодежное звено минувшей осенью собрало на своем участке тридцать три тонны хлопка-сырца — по сорок пуд центнеров с гектара. Это не плохой результат. Но мы соревнуемся со звеном Сахибабоя Гулямяновой из соседнего колхоза и, конечно, успокаиваться на достигнутом не собираемся. В июле...

Волнующим было и встречи делегатов съезда с ветеранами революции. Надоели Руслановы, Аманжолов, Валентине Яковлеву, Лидии Лосовой и Галине Мальшиной беседы...

в этом году наше звено решило собрать тридцать пять тонн хлопка.

На XIII съезде я познакомилась с девушками-ткачихами. — Передая своим подругам придет, Соладат, — спросили меня ткачихи. — Пусть вырабатывают хорошие урожан хлопка, а мы будем выпускать больше отличного ситца!

Соладат ГУЛЯХМЕДОВА, Герой Социалистического Труда, звеничанка колхоза имени Н. С. Хрущева.

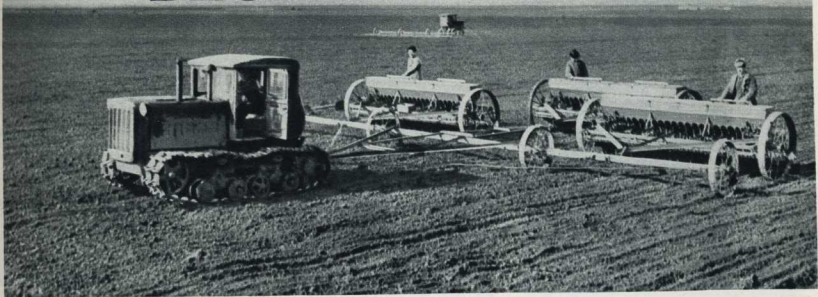
Ташкентская область.

БОЛЬШАЯ ВЕСНА

К. ВАЧНАДЗЕ,

специальный корреспондент «Смена»

Думы тракториста

Рано наступает весна на Кубани. В этом благодатном крае ее дыхание ощущается уже в феврале, когда солнце все чаще пробивает хмурую пелену туч, а с моряพัด теплый ветер. Тает снег, и на полях образуются черные алевтинки — «окна».

В погожие дни над широко расквашенной степью курится парок: просыпается после зимнего сна шедрая кубанская земля. Не зевая тогда хлебороб, действуя по старой мурой пословице: «Посеял в «окно» — хлеба полно». Хорошо прорастает зерно, упавшее в напоенную влагой почву, и дает крепкие, жизнестойкие всходы. Ежегодно механизаторы ведут сев, используя февральские «окна». Так было и этой весной.

«Всю ночь гуадел трактор: с вечера до утра Николай Турчин бороновал зябь. На рассвете передал машину парнишку, по-хозяйски оглядев уходившее вдали поле и озорно подмигнув товарищу: вот как, мол, поработал!»

Турчин шел, весело похвастывая. Настроение у него было приподнятое, какое и должно быть у хорошо поработавшего человека. Шутка ли, около пятидесяти гектаров бороновал тракторист за эту темную февральскую ночь! Когда Николай поравнялся с парниками, встретился ему бригадир этого хозяйства Григорий Иванович Зубарев. Остановились, закурили. Зубарев, узнав, что Николай всю ночь готовил к севу «окно», одобрительно хлопнул тракториста по плечу: молодцы! Слава на душе у Турчина все радостнее. Но тут подошли дежачка из двенадцатой бригады, народ бойкий и зыбчатый.

— С гулянки, товарищ Турчин? — наשמидо осведомилсь они. — Что-то больше рано сегодня подыкался.

Николай только повед бровью.

— Человек всю ночь на тракторе промаялся, а вы с шутками, — вступился за него бригадир.

Но вместо признания трудовой доблести дежачка окатили Турчина залпом обидных реплик:

— Что ж, раз в месяц не грех как слугает поработать...

— Механизаторов эмгэсовских зимой ребятами прошибает. Колхозники работают, а они, знай, на печи лежат, ресурсы шакпаливают.

— Как ни спросишь, чем занимаешься, отвечают: технику к весне готовим.

За живое зацепил Николая эти слова. Похорсился он от досады, пытался было поспорить с дежачками, да куда там! Совсем заклеивал его.

Пропало радужное настроение. Махнул тракторист рукой и зашагал по дороге. Сначала вгрячач мысленно продолжал спор с наשמидичами, а когда пристыл, подумал: а ведь правы дежачка!

Не так уж давно был Николай Турчин в колхозе ездочным. Поначалу паренек гордо восседал на передке телеги: как ни говори, самостоятельный участок работы. Исправно

выполнял свои обязанности, колхоз хвалил. Но потом некоторое время, и потянуло Николая на трактор. Сперва работал прищипником, а потом правление артели послало его на курсы механизаторов. И вот сбылся мечта Турчина: стал он трактористом. По-прежнему работал Николай на полях родного колхоза, но состоял теперь в штате Крымской МТС.

На первых порах Николай с таким увлечением брался за любую работу, что во молодости лет не шибко звикал в детали колхозного производства. Заработок был неплохой, должность — почетная, а до остального, если говорить, положе руку на сердце, мало ему было заботы. Но с годами повзрослел, стал понимать, что во взаимоотношениях между МТС и колхозом не все обстоит ладно. Были, например, справедливые претензии у механизаторов к работе машин. В результате тракторы, посеянные агрегаты, культиваторы, уборочные машины часто простоявали из-за плохого обслуживания со стороны полеводческих бригад. Нередко бывало и наоборот. Правление колхоза, скажем, ставило вопрос о срочной переборке тракторов из одной бригады в другую, но пока удавалось согласовать это с дирекцией МТС, вставая артезианские сроки проходили.

Обо всем этом не раз толковали механизаторы и между собой и с колхозниками.

— Совестно становится перед своими же родственниками, — говорил комсомолец-тракторист Василий Дешнев.

— Что ж тебе советовать? — возражал кто-либо из товарищей. — Вон у тебя прямиж сколько!

Действительно, Василий — передовой механизатор, несколько раз награждался ценными подарками, занесен в книгу почета Крымской МТС.

— Да не о том речь, хлопцы... Вот и я, и Иван Кулиш из нашей бригады, и Николай Турчин, и Евтушенко Илья из шестой — все мы выросли в этом колхозе, работали в поле рядом с отцами, братьями, сестрами. Где работать, скажем, или новое — хорошее дело, — там и мы. А теперь не то. Называемые механизаторами широкого профиля, а профиль наш, прямо скажем, узкий. В колхозе вон какие дела совершаются: строят сарайчики, коровники, закладывают виноградники, сады, а мы, механизаторы, в стороне, знаем только свою мягкую пахоту да уборку!.. Поэтому-то и совестно перед родственниками...

— Правильно говоришь, Василий, — раздался голос. — В артели все трудятся круглый год, а мы, даже казак, в межсезонье только покуриваем.

Николай АГЕЕВ

СЛОВО О ВЛАСТИ СОВЕТОВ

В умное, степное Зауралье, где нудка из века в век жила, где метель сошкнла по-шакальи, власть Советов в Октябре пришла.

И об этом вспоминают дедки:

— Шла она с Денгетом о земле, то в шинель солдатскую одета, то в конюшню пеленного цвета, то пешком, то конником в седле.

Шла она, деревни поднимая, как пласты на знойной целине. Самая народная, земная, шла она с винтовкой на ремне. И пришла...

Степного Зауралья, как и всей России, не узнал. После гремяз уральскую сталью, и поля знойной теплой шалью тан оделась — глаз не оторвать!

А зайдешь в колхозное правление — теснота, аж некуда ступить. Здесь идеть сегодня обсужденье: как колхозу трактора купить.

Говорят колхозники с задором:

— Наступила новая пора, и отныне по степным просторам будут свалить Родину моторы — собственные наших трактора.

Эти разговоры и всплыли сейчас в памяти Николая Турчина, подвергнутого «атаке» бойких докладов из двенадцатой бригады. Не знал тракторист, что в эти самые дни в Кремле Центральный Комитет Коммунистической партии готовился к пленуму, который принял решение, отразившее думы и чаяния миллионов тружеников колхозного села...

Путь в гору

— Тебе, гороляску человеку, трудно представить, с какой радостью встретили у нас тезисы доклада товарища Хрущева,— говорил мне старый фронтовой друг Матвей Васильевич Трошенко.

В грузиную весну сорок третьего года вместе с ним служили мы в одной дивизии и воевали на Кубани. Вскоре после освобождения станций Крымской железнодорожной от тех самых мест, где мы сейчас вели беседу о реорганизации МТС, Трошенко было тяжело ранен и по состоянию здоровья на фронт уже не асеруется. С тех пор мы не виделись и вот неожиданно встретились ровно через пятнадцать лет. Бывший заместитель командира полка по политической части ныне возглавляет партийную организацию колхоза имени Ленина.

— Гаветы с тезисами перекладываю из рук в руки, зачитываюсь до слез,— продолжал Матвей Васильевич.— А председатель наш, Николай Иванович Есин, просто именинником ходил...

Оказывается, у председателя колхоза были на это особые основания. Еще два года назад этот замечательный хозяин поставил перед районными организациями вопрос о передаче в артель техники МТС. Однако Есин не поддерживал: его предложение ломало узаконенные отношения между МТС и колхозами. На такой шаг пойти никто не решался, хотя Есин опирался на неуклонно крепнущую экономику колхоза. Уже в 1954 году денежный доход артели составил 13 миллионов 400 тысяч рублей. Правление установило ежемесячное авансирование. Колхоз имел мощный автопарк, ремонтные мастерские, в артели работали сотни людей, хорошо знакомых с техникой. В 1956 году во всех полеводческих бригадах, животноводческих фермах и других подобных отраслях был введен полный хозрасчет. Навски были все предпосылки к тому, чтобы взять технику в свои руки.

— У двух явник дитя платит,— заявил Есин, когда его предложение признали неприемлемым.— Выросли наши колхозы, и я убежден, что не должно быть на их земле двух хозяев.

Два года минуло с той поры, как Николай Иванович довольно крепко покритиковали за такие слова. А колхоз с каждым месяцем набирал темпы, рос, богател.

— Коротко скажу тебе так: это был путь в гору. Осваивали новые плательные и залеж-

ные земли, расширяли площадь садов и виноградинок, строили и строили,— рассказывал Трошенко.— Только за один прошлый год произрастают мясо и молока у нас увеличилось более чем в полтора раза, общий доход колхоза и оплата труда дня повысились почти вдвое.

Трошенко называл одну цифру за другой. За последние годы в артели построены четыре санартели, шесть коровников, толстунки на сто и конюшни на пятьдесят голов. Установлена пиломара, скоро войдет в строй вторая, сооружены четыре механизированных тока, тельнично-парниковый комбинат.

На следующий день мы отправились в колхозный гараж. Предстоял технический осмотр, и длинная шеренга машин выстроилась во дворе. Они находились в образцовом состоянии, даже номера на задних бортах были нанесены свежей краской. Поднятые шoferы стояли рядом. Во всем чувствовался порядок. Это заслуга заведующего гаражом Ивана Матвеевича Лебедева и его «читаб» — механиков Туренко, Волынцева и кладовщика Маркова, в недавнем прошлом возглавлявшего комсомольскую организацию колхоза.

С гордостью показывал Лебедев свое хозяйство — огромное капитальное здание, рассчитанное на семьдесят автомашин. Сейчас их свыше сорока, но в колхозе имени Ленина привыкли смотреть вперед: скоро машин будет больше. Здесь же разместились ремонтная и электрокузнечная мастерские, оснащенные различными станками. Тут трудятся квалифицированные слесари и токари, мастера своего дела. Вот она, монета техническая база сегодняшнего колхоза! Любой капитальный ремонт артель может производить своими силами. Трактористы уже давно знают дорожку в колхозные мастерские.

— Было бы неверно недооценивать роль механизаторов Крымской МТС, особенно в прошлом,— сказал Николай Иванович Есин.— Они серьезно помогли нам поднять культуру земледелия и животноводства, добиться снижения трудовых затрат. Но в последние годы зависимость колхоза от МТС зачастую связывала нас по рукам и ногам.

Есин вынул очку и достал из кармана блокнот.

— Тут, в этой книжечке, у меня целая бухгалтерия. Вот, к примеру, такие записки. Планы дискования, боронования и культивации механизаторами МТС перевыполнены вдвое и даже втрое, а таких трудоемких, но менее выгодных работ, как одаем плантация и раскорчевка кустарников, в МТС боялись как огня. А если и брались за них, то только после длительных дебатов с дирекцией МТС.

«Связи» вернулись в начале марта Николай Иванович из Краснодара с пленума краевого комитета КПСС.

— Полный порядок! — крикнул председатель, еще не раздвигаясь, встретившемуся в правлении колхоза бухгалтеру Арельскому.— Неси свои выкладки и счета, Григорий

Романович, прикинем на косячках, во что станет наш техник.

— Будем покупать, Николай Иванович?

— А как же! Время не ждет, аеса у порога. Через несколько дней поехал Есин в Крымскую МТС. Уговорил он по рукам с директором станции Кладовик Емельяновым Журавлевой и подписала акт о передаче техники колхозу. Колхоз приобрел 84 трактора, 22 комбайна и все прочие сельхозмашины и инструменты на сумму около 200 миллионов рублей. Расчет с государством за эту технику общей стоимостью около трех с половиной миллионов рублей будет произведен в течение двух лет. Это вполне под силу артели, доход которой составил в прошлом году без малого 25, а в этом году достигнет 30 миллионов рублей.

Так на полях одного из крупнейших колхозов Кубанского края появился единый хозяин.

Уже сказываются результаты этой мудрой меры. На днях Матвей Васильевич Трошенко сообщил, что сса проведен качественный и в основном счастливый чем в прошлом году, резко сократились простои техники, выросла экономика горючего. Свободных от смены механизаторов можно теперь увидеть и в других районах: на строительстве, а на парках, чего никогда раньше не бывало. «Сейчас — пишет Трошенко,— они сами приходят к бригадир и просят дать им наряд».

«Вот и не придется теперь советиться перед родичами Василию Дейнего и его товарищам колхозам! — ныне они полноправные члены колхоза!»

Айова останется позади

Путь в гору! Кубань сказал об этом Трошенко и нас. Вся Кубань берет сейчас крутой подъем. И в этом году достигнет 30 миллионов рублей, что видно, каким своевременным явился принятый сессией Верховного Совета Советского Союза дальнейшее развитие колхозного строя и реорганизацию машинно-тракторных станций. Развитие техники колхозов постепенно переводилось на государственные предприятия в сельхозартели. Интересные данные приводились на пленуме Краснодарского краевого комитета КПСС. В 1949 году в колхозах Кубаньи было 65 тысяч гапателей, а сейчас их насчитывается более 125 тысяч. Каждый пятый год колхозы имели в своем распоряжении не только мелкий сельхозхозяйственный инвентарь, но и около 8 тысяч автомашин, 900 собственных тракторов и десятки комбайнов, мощные электростанции, хорошую ремонтную базу, квалифицированные кадры механизаторов.

Все колхозы Краснодарского края — миллионеры. Это богатейшая житница нашей страны, гигантская фабрика мяса и молока, зона интенсивного животноводства. Колхозы Кубанцы уже в прошлом году обогнали Айову по наядо молока на 100 гектаров угодий и теперь настойчиво борются за то, чтобы превзойти этот наиболее развитый сельскохозяйственный штат США и по производству мяса.

В ряду знаменосцев этой борьбы идет кубанская молодежь. В крае создано 122 молодежные молочнотоварные и свиноводческие фермы, только в прошлом году комсомол напридал сода свыше четырех тысяч своих лучших воспитанников. Силами молодежи было откормлено и сдано государству 400 тысяч свиней, 800 тысяч уток и законтрактовано 90 тысяч телят. Многие молодые доярки надали в минувшем году по 4 600—4 700 килограммов молока от каждой коровы. За этици цифрами — вдохновенный, большой труд юных кубанцев.

— Теперь, когда вся техника заперла в руки колхозов, держись, Айова! — задорно говорят они.

В том, что Кубань в ближайшие годы выиграет это соревнование по всем показателям, у них нет никакого сомнения.

Вместе со всей страной Кубань переживает радость больше, чем в минувший весна, которая сыгнала и невзначай богатою осель.

Колхоз имени Ленина, Крымского района, Краснодарского края.

Умелые руки у Николая Турчина. Перебрав на работу в колхоз, тракторист до начала сева отремонтировал 12 моторов.

Фото В. Тетина.

Петр ПАШКИН

ОБУШОК

Рассказ

С амым примечательным человеком у нас в цехе был токарь Сила Авдечин Засыпкин, высокий, сутулый старик с такими длинными белыми усами, что когда нагибался к обрабатываемой детали, инспектор охраны труда опасался, как бы усы не наматывались на нее, и порой то в шутку, то всерьез просил, чтобы Авдечин подрезал их.

Шел Силе Авдечину пятьдесят восьмой год, но он, как говорят, был из тех дубов, которые не поддаются времени. Работал старик неторопливо, а нормы выполнял с перевышением. Даво в том, что умел он экономить каждое свое движение. Около его станка постоянно находился ученик, которому Сила Авдечин передавал свой опыт. Учил он не только новичков, а всех, кто хотел стать настоящим токарем. Но была у него и своя слабость: старик болезненно переживал поражение в соревнованиях. Эти поражения и служили иногда для Силы Авдечина поводом лишиться раз «заглянуть в ромашку».

Другим, не менее примечательным человеком в нашем цехе был молодой токарь Фока Самофал, которого все звали Самосавлом. Необыкновенно умный и рослый, он обладал силой медведя и неповоротностью спона.

Что касается хладнокровия, то в этом с ним могли поспорить разве только мраморные статуи.

Работал Фока прескверно. Не умея соразмерить свою силу, он так нажимал на деталь, что сверло часто крошилось в порошок. Сломает одно, второе, идет за третьим, а кладовщица ему: «Стоп, машина! Зови мастера!» Придет мастер и начнет распекать. А Фока только добродушно улыбается, как будто не его, а кого-то другого ругают. Мастер еще больше петушится:

— Чего ты, хомляк, улыбаешься!
— Смешно глядеть на вас, как вы горло дерете. А зачем! Если бы от этого сверла опять цельным стало, тогда другой табак. А так, что вы слово скажете, что сто—все одинаково будет. Ведь сверло-то я сломал ненароком, мне и самому его жалко.

— Я тебе, бегемоту, не сверло, а метлу дам, заставлю цех подметать, запляшешь ты у меня «барыню»!

Случалось, ставили Фоку уборщиком или грузчиком, но с него, как с гуся вода: отработает свой срок, снова станет к станку, но дело у него идет не лучше и не хуже.

Мастер бился, бился с ним да и плюнул:

такого не переоспитать! Такому нужно давать работу, которая требует не спорости, а лошадиной силы: обдирку поковки, литья. Так и сделал. Стал Фока день-деньской «клевывать» болванки килограммов по тридцать. За день он их штук триста отпустит, а заработает рублей двадцать пять. Примеряет мастер эту работу на свои силы, поморщится, подойдет к Фоке и, пряча сочувствие, спросит:

— Устал!
— Ничего, немножко. Вы бы мне рукавички дали, а то все руки поранил.

Мастер принесет ему рукавички, спросит:
— Не надоела тебе эта работа!
— Ничего, работа приятная. Я люблю, когда около моего станка гора деталей: чунтауешь, что ты что-то сделал, только уборщик очень ругается. Вы бы объяснили им, что я сюда только за тем и хожу, чтобы стружку снять...

В конце месяца мастер осведомился:
— Как заработок?
— Ничего, спасибо, не обижусь. В этом месяце без вычетов обошлось: ни одного сверла не сломал.

А уж какое там «никого!» Мастер понимает, конечно, что заработок мал для разра-

да Фою. Договорится с менажником и принесет Фою оформленный наряд на перевозку ста тележек отходов на салку.

Посмотрит Фою на документ и вернет мастеру:

— Не надо. Вывез я, за-перел, не сто, а только две тележки, и не в этс, а в прошлом месяце.

Учился Фою токарнику делу у Силы Авденча и очень любил старика. Сила Авденча платил ему тем же за его добрый характер, но о деловых качествах ученика никогда своего мнения не высказывал. Только однажды, когда перед ним в упор поставили этот вопрос, Сила Авденча совершенно откровенно заявил, что Фою «обушует», то есть человек ограниченных способностей. Фою посматривал на своего учителя так, будто впервые его видит, неуловимо повернулся и пошел к своему станку, борюма на ходу:

— Не тупее вас, Сила Авденча...

— Да ты никак обиделся? — удивился старик.

— Не онидял я от вас такой аттестации, Сила Авденча.

Дороботав Фою до обеда — и к начальнику:

— Леонид Романович, направьте меня в

другой цех.

— Кто слушало?

— Ничего.

— А почему в другой цех?

— Так.

К станку Фою больше не подошел. Пришлось перевести его в соседний цех. Но года через два цеха, Силы и Фою снова оказались у нас в группе. Он стоял за прежним станком, «изныл» болванки.

Однажды в чайной, когда Сила Авденча очень уж расхвастался своим мастерством, Фою сказал ему:

— Если бы вы не был моим учителем, я бы подковал тебя на все копиле.

Старик захохотал:

— Ты меня подкунешь!.. А ну-ка подкуй!

Требуя: подкуй, иначе ты лгуй!

— Только уговор: не заныкать.

Хлопнул по рукам, разошелся.

Прошел месяц или два. В цех привнесли колесчатый вал компрессора. Шесть вала в первом колене оказались изрубленной, надо было его проточить.

Мастер Алексей Иванович, вытянул толстые губы, словно собирался свистеть, стоя возле вала и думая, как его проточить. Трудности заключалась в том, что вал был длиннее станка. Это исключало всякую возможность установить его на станке обычным способом. Но если бы даже был короче, он не смог бы вращаться на центрах, потому что задевал за станку. По всем статьям выходяло: нужен большой станок, а большого станка на нашем заводе не было.

В цех урчагеном влетел директор. Он был огромного роста, смуглый, черноглазый, брови — никому бываву не чужие усы завито бы. Остановился возле мастера и начал перекидывать губами папиросу из одного угла рта в другой.

— Почему не проточили вал? — спросил директор.

— Не на чем.

Подумай, Алексей Иванович, подумай. Ты понимаешь, что будет, если мы не пустим большой компрессор! Мы остановили всю пневматику и сорвав программу.

Мастер пожал плечами.

— Незнаю. Не верно. Допускаю, что ты как мастер не нашел решения. У нас народ талантливый. Если бы я не был убежден в этом, я бы отдал вал на соседний завод... Может быть, ты стесняешься поклониться рабочему? Ну, так я поклонюсь. Позови Силу Авденча.

Старый токар долго ходил молча вокруг станка и вала, измерял, высчитывал и, наконец, изрек:

— Нельзя обработать: станок не позволяет.

Подумайте, Сила Авденча, — посоветовал директор, — вы рационализатор и слово «нельзя» никогда не произносите!

— Я и сейчас не признаю. Незавоженного не существует. Поднимем бабин на плиты одноконной высоты и обработаем.

— Ценная идея, — подчеркнул директор.

— Я об этом думал, — ответил Алексей Ива-

нович, — но не выгодно по времени, скорее всего вал сделается.

Подошел Фою Самофал. Похлопал ладонью директора по плечу, как будто это был его друг-приятель. А когда тот обернулся к нему, толкнул себя пальцем в грудь и сказал:

— Вот увидел! — обрадовался директор.

Но мастер поспешил пальцем вверх, показывая при этом на Фою, дескать, у парня не совсем исправно приспособление для смекалки. Директор попросил Самофала объяснить технологично обработан вал.

Фою сказал, что старые мастера привыкли к такому методу обработки, когда вращается изделие, а резец не спеша идет себе по чугунным салазкам к передней бабке. А почему бы не поменять им роли? Вал посадят на салазки, а резец заставить вращаться.

Директор посмотрел на мастера и Засыпкин.

— А ведь умно, а! — сказал он и поспешил вверх пальцем, но уже совсем с другим значением.

Простота способа ошеломила Силу Авденча. Он смотрел на Самофала с нескрываемой завистью и восторгом, но его профессиональная гордость страдала. Максимально ступая, он спросил явдору с заныкшей и побреял по молодому-болванке, борюма себе под нос:

— Как! Засыпкин не может, а он может! Засыпкин сорос лет на станке... Засыпкин миллион деталей выточил и не видел, что бы обработаны детали больше своего станка.

Но одна мысль не родила рабину больше себя! — Старик махнул рукой, но явдору остановился и раскрыл рот: — Ах, да! Вал-то не вращается! Он прав! Он прав!

Болезненно самолюбивый Сила Авденча стоял у инструментального шкафа, кусая длинный ус и колеблясь: вынуть или не вынуть! Его, знатного тожара, обскакали И вот Фою Самосвал!.. Выпяти! — решил он и, закрутив усы в два спирных рога, пошел в чайную.

— Теперь заплет, — сказал мастер Фою.

— Как заплет!

— Он умеет как. Нужно его остановить.

Попорубь, останови.

Фою убрал инструмент и побжал следом за Силой Авденча. Вернулся он через час, но один. Ми отступился его, спрашиваем:

— Где Сила Авденча?

— Слушай, — говорит Фою, — прижму я в

Александр ПОДМОГИЛЬНЫЙ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Луну приплоснутый лимон
Покачивая в небе вальс...
Всю ночь дымлящийся ботон
Нам подознил самосвалы.

Когда забрезжила солнца свет,
Друг улыбнулся вмигнато:
— А мне ведь девятнадцать лет
Вчера исполнилось, ребята...

ВЕЩЕР

Причнется ветер из полей окрыстных,
Растает терпкой горечью во рту.
За горизонт маршует черту
Уходит день старому полновесным.

И пусть спеловка угольным покрытием,
И дым над шахтой крылья распространет,
Сияя наску, улыбается шахтер:
— Работали сегодня знаменито!
Г. Горюнова.

чайную. Туда-сюда — мет Силы Авденча, ис-че. Приглядится к темным углам, вмиг: кто шевелится. Или Силу поувает. Сидит за бутылкой, нальет в и бутылку посморит: много ли осталось... Тут к нему подожди умючик. Вот я и подожду к нему, здравовому, буду не выжидать, справлюсь... Чымак плановый!..

«Это с чего же я стану плакать, или моя ног обула в лапты? А у моего слезы по горшине в улах застрелил. «Да, может, — говорю, — расстройство какое произошло!» «Нет, — отвечает, — ты же будешь отвести стволы вправо, влево, не жалеи у Засыпкина слезу выльезь!».. Начиная рассказывать цеховые новости, как будто он год в цехе не был. Говорю, что с колесчатый валом ничего не получается. И так в этом разговоре превозношу Силу Авденча, что он даже бутылку отодвинул и заявил, что когда перемет, его ланко превзойти любому ремесленнику... Я негачно уверять старика, что от такой выпитой малости ему ровню ничего не сделается. «Нет, Самосвал, нет! — ступая старик изжолом по столу. — Это сказал я, Сила. Сила есть сила!»

— Так что же он, пьяный? — спросил мастер.

— Пустяки. Четвертинку выпил. А это все равно, что слону дробина.

— Ну, Фою, теперь он от тебя не отойдет, пока не проточит вал. Советы будут давать — принимай. Плохого не поведает. Чести у него больше, чем у нас.

В проходе показался Сила Авденча. Фою пошел ему навстречу. Серые выцветшие глаза старика бежали под локатыми бровями.

Сила Авденча, ну-ка твою помощь, — сказал Фою.

— Полно, полно!.. Тотка умнице — и моя помощик!.. Хотя и то скажати: у Засыпкина есть чему поучиться!

Старик сиял жирким, засучил рукава синей сатени, вынул из кармана косынку, усмехнулся перламутровыми луговцами, постоял в раздумье, затем заговорил:

— Конусность выверена!.. Та-а-а! Масло для охлаждения вверено! Понохай, Фою, а то у меня обоняние тупое, хотя я и по цеху явко, что вверено. Постой! Постой!

Сила Авденча метнулся в кладовую, только локти замелькали. Вернулся он с жестяной баночкой.

— Скитидаричку прибавим в масло, Фоюка. Капли этистали хорошо со скитидаричкой обработать.

Фою дал ход станку. Семь лошадок, ирпаяные человеком в чужиний бочоник, управляемый электромотором, начали медленно вращать резец вокруг шейки вала. Сила Авденча обнутил инстинку в маршле, хойский стружку изжались в баночку и смазал вал. После первой проточки обнутился, но Засыпкин, чтобы уточнить установку, но старик запрете-ствовал.

— Нет! Позволь мне. У меня на этот счет собачий нос. Здесь никакая арифметика не поможет, тут только чутье!

Когда обработанный вал сняли со станка, вокруг собрался тожари. Не помню, кто зло подговаривал Засыпкина:

— Вот как надо изготовлять-то, тараканин твои усы! А то — «яя, яя, что сто лет со станком...»

— Знаете, что, милостивые государи, — ответил Сила Авденча, — один-то раз в году и вверено ставляет. Пусть Фою Егорчи станет со мной рядом на изготовляние вот эта бы чинимод-то да обжмет, тогда я скажу: «Сядусь!»

— Значит, я, по-твоему, как был обуюх, так обуюх и остаюся? — спросил Фою.

Деталь, на которой Сила Авденча хотел по-соравоваться с Фоюй, была похожа на пень с множеством коротко обрубленных корышек. Этот пень был длиной и толщиной с самоварную трубу нужно было проточить по верку и расточить внутри с точностью до одной сотой миллиметра. Стоит проследишь изделие на несколько соток, и оно идет в брешь.

Изготовление этой детали с большими по-тутами освоили только на четырех тожарных станках, да и то, как говорили, благодаря Си-

(Окончание см. на стр. 9).

А. Костин. Выпускной вечер.

Всесоюзная художественная выставка 1957 года.

В. АРТАМОНОВ. К новым берегам.

Всесоюзная художественная выставка 1957 года.

(Окончание. Начало см. на стр. 7).

ла Адачену. Вот отчего он и предложил Фоке сгорачиваться именно на этот детали.

Фока подошел к мастеру:
— Давите мне цилиндры.
— Не дурн,— ответил Алексей Иванович.
— Давите, или я покаялся директору.
Самое сложное на броске,— на мастер дал ему две заготовки— эцерт с ним, пусть попробует!— объяснил, куда идет деталь, предупредил о возможных ошибках и посоветовал изучить приемы Силы Адаченя.

Фока подошел и Засыпкин в тот момент, когда старик выверял установленный на станке цилиндр. А выверять нужно было так, чтобы солнышки зайчик стоял на шлоуэнувшись, когда деталь вращается. Точность, понятие, прояснялось не словесными заблуждениями, а прибором-индикатором, похожим на карманные часы. Ловерья, с какой Засыпкин выполнял эту работу, была доведена до такого совершенства, что признать это—нибуду было невозможным.

— Ох, как долго приходится устанавливать!— вырвалось у Самофала, наблюдавшего около часа за действиями Силы Адаченя.

— А другие копятая часа по два,— ответил Засыпкин.

— У меня не дадут терпения на такую агитскую работу. Завест минут— и вкатил!

— Интересусь: как это ты сумел?—
— Сделано что-нибудь похожее на самоцентрирующий патрон или оправку.

Сила Адачен исторически: «Правильная мысль! Покой его теперь был нарушен».

...Сила Адачен был женат дважды, второй раз— на Варваре Игнатьевне. Приседа до вступая в девауха, она выслала столько любви, что готова была на руках носить своего седусого красца. В тот день, о котором только что рассказано, Сила Адачен вошел в комнату, пригнув голову, словно опасаясь струситься о коске. Повесив на гвоздь кожаный картуз, он прислонился плечом к стене и с минуту стоял в оцепенении. Его серые глаза да смотрели неподвижно,— так смотрят, когда мучительно и долго припоминать давно забытое.

Дымчатый кот, ушедя хозяина, спрыгнул с комода, поскреп когтями клетчатый пологник и, горбясь, подошел потереться о сапог Силы Адаченя. Но вместо ласки получил пинка.

Варвара Игнатьевна озабоченно глянула на мужа и, пожимая рукоделье на стою, подошла к старнику.

— Силаша, ты заболел!— спросила она, подавая стул.

— Здоров,— ответил Сила Адачен, садясь.

Варвара Игнатьевна умела отличить мужа от маршала миссий.

— Карторичи, Силаша, или портевнел!— застартели она и, не дожидаясь ответа, подала и того и другого в маленьких графинчиках.

Сила Адачен степенно выпил две рюмки, вытер усы и принялся из рук жены серебривую вылку с мелкими рыжками на ней.

Пока жена вывела на кухню, Сила Адачен дважды успел приложиться к рюмочке, а когда Варвара Игнатьевна вернулась с блюдом жареной рыбы, спросил:

— Варя, можно еще рюмочку, а?

— Варвара Игнатьевна кинула головой и положила на тарелку рюмяный кусок суджика. Добродушный, но не ласковый Сила Адачен поймал руку жены и пощеловал, что с ним случится очень редко.

— Не-ет, вот что значит хоршая жена! Пять минут назад я был еще лютой; ни за что ни про что Барсика обидел. Барсик, Барсик!— пролаял кто Сила Адачен.

Последнюю рюмку он налил без разрешения Варвары Игнатьевны и отодвинул от себя графинчики.

Варвара Игнатьевна поставила на стол никелированный самовар, похожий на большую гранитную рюмку. Сила Адачен выпил чай и положил стакан в блюдце.

— Что же ты? Пей,— огорчилась Варвара Игнатьевна, любившая и попить и поговорить под шум самовара.

— Чай не вода, много не выпьешь,— пошутил Сила Адачен и стал подробно и долго рассказывать жене о том, как Фока обскажал его на валу, а теперь хочет обскакать и на цилиндрах.

Часы, зашлеле сердитым гусем, пробили девять раз. Сила Адачен попросил убрать со стола и долго чертил и хмурился. Под конец он разорвал ас, что сдвинул, и лег спать. Сналось ему плохо, из асек углов лезли рогатые цилиндры, которые он будто бы обрабатывал на каких-то немислимых, фантастических приспособлениях.

Поднялся Сила Адачен часов в пять утра, умылся, открыл окно и, облокотившись на подоконник, с наслаждением адышал свежий воздух.

— Ты что ты поднялся в такую рань!— забеспокоилась Варвара Игнатьевна.— Означит ветром, простудился...

Выпке чаю, Сила Адачен отправился на завод. Он выточил оправку, похожую на бутылку из-под кефира, и надел на нее цилиндры, как надевают трубу на горючину самовара. Деталь оказалась точна по центру, а в ней с резьбой не было никакой возможности. Чтобы не видели его неудачи, он снял деталь со станка, присел на поковку и адымался. В этой позе и застал его Фока. Увидев серпылку, пока мыслы старика и не мог удержаться, чтобы не примерить на своем станке. Но вместо того, чтобы вставлять оправку, как Засыпкин, в шпиндель передней бабки, он оставил ее в заднюю. Оставалось подвести деталь и патрону и закрепить, на что ему действительно требовалось не больше десяти минут.

— Да ты, Фоша, мало сказать умища, ты разумничка!— воскликнула Сила Адачен, увидев свою ошибку.
— Ох, придумал, а я разумничка,— усмехнулся Фока.

Пришел Алексей Иванович, поздорвался и, кинув головой на приспособление Засыпкина, сказал Самофалу:

— Видишь!

Сила Адачен и Фока установили цилиндры на станки и начали обработку: старик— резцом, Фока— сверлами. Сила Адачен с недоверием отнесся к работе сверлом. Когда Фока начал окончательную расточку цилиндра, он заглянул внутрь детали, и его рука неловко потянулась к зажиму.

— Фоша, милый, да эту же чтейший брак!

— Лучше делают и то скрдит,— засмеялся Самофал.— Да я же под шифровку, Сила Адачен.

— Сколько я понимаю, шифруют на шифовальном станке, а у тебя токарный.

— У меня все изобретено, Сила Адачен. Шайку вала я обтачивал шнорвал-намырост, а получилось неплохо. Теперь я хочу цилиндры обработать по-новому; на суппорт вместо резац поставлю фортуну и буду шифковать, полировать.

Сила Адачен с уважением поглядывал на своего ученика. К полудню Фока снял готовую деталь со станка и положил на тумбочку. Старик принес со склада свою и долго, кропотливо смчал.

— Минича около зерна,— прогворил он, отбрасывая свой цилиндр.

По случаю удач Самофала комсомольский пост вывесил приветственный молночок. К старнику подошел Илья Карпетник, слышавший в цехе насмешничком.

— Видишь!— показал он на плакат.

— Воню. Еще что скажешь, Сила Адачен. Карпетнику выплыву толстые губы, пустил дымок колечком.

— Чудеса на белом свете!

— Да, Фока обскажал меня, это верно. Но ты знаешь, чей он ученик!.. Мой Стал бы, он и гордость моя!

— Но ты же говорил, что он обушок.

— Сам ты обушок!

Дмитрий ЗАХАРОВ

ЗА ОКОЛИЦЕЙ

Что ни день— голубей поднебесье,
Снег на ульях. Дружнее капель.
Вешних жарких работ предвещник,
На полях
Запестрел апрель.

Что ни день— то щедрой на ласки
Солнце, плывущее с утра.
И поблескивает светлой краской
За околицей трактора.

Зачадили весны тракторсты:
До чего же пора хороша!
Спозаранок машины боскост
На исходных
Гудят рубежах.

Вперед, в голубом тумане,
Свет солнышного поля
Молодых изобретов мнмт
Казахстанская степня.

СЕРДЕЧНАЯ ПЕСНЯ

Дрожит репродуктора
Корпус фаворный—
Тычет супоразу, за душу берет.
Это цыганка Кармен
Хабанеру,
Сердечную песню любви, поет.
Кто-то из зала
И в от душе поддержать готов.
Жаль только—
С Крайнего Севера бросить
Их не могу ей букет цветов.
г. Челябинск.

Василий АЛФЕРОВ

ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

Далеко,
За вымокн курганом,
Где садя
Над рекою цветут,
Соловьи
Промыкают рано
И вседневные песни поют.
Не спеша
Зажогаются звезды,
Ветер стих
И улетит в камышах...
И опять
Голубиные гнезда
Над окном моего этажа.
...И я
По знакомой тропинке,
Всюду
Птичек призываю слышать.
Далека в маленькой, робкой
Травничке
Пробулдилось дышанье весны.
А адым,
У речного затона,
Загорелась рыбачьим огни...
Я люблю вас
В паряде зеленном,
Золотые весенние дни!
г. Куйбышев.

Владимир ФИЛИПОВ

МОЯ РАДОСТЬ

Мелькают далекие зарницы,
Еще не пели петухи...
Нужен мне в небольшой станице,
Где я сейчас пишу стихи.

Я рад за то, что строи эти
[А здесь большая радость есть]
Написаны при ярком свете,
Минута от Казахской ГЭС!
г. Москва.

Бригадир комсомольско-молодежной бригады Маша Ревницева.

С осени недавно здесь простиралась серая уральская земля и было пусто и тихо. А теперь ввысь тянутся стальные коробки воздушонагревателей, носятся огромные «МАЗы», слышатся пикапчики. По рельсам неторопливо, со стороны движется главный башенный кран.

Здесь, на строительной площадке, среди паровозных гудков, среди грохота, штурма и натиска рождается пятая комсомольская домна.

Уже давно заложены фундаменты домны, сооружены два полигона, которые будут изготовлять крупные железобетонные блоки для бункерной эстакады, для машинного зала. Несколько недель назад дозун «Добьемся перевеса во Всесоюзном соревновании домностроителей!» внесли в дух — трех метрах от земли. Сейчас он укреплен на эстакаде соседней, действующей доменной печи, чтобы боевой призыв могли видеть все участники комсомольской стройки.

В сланную летопись комсомола вписывается новая страница трудового подвига. Этот подвиг совершают люди, которые пришли сюда, в Челябинск, по зову неугомонного сердца с комсомольскими путевками, люди, которые в бурных буднях стройки нашли романтику нашей жизни.

**БРИГАДИР
МАША РЕВНИЦЕВА**

Маше Ревницевой двадцать два года. Она была прекрасным тодлером, хорошей балериной в самодельном коллективе и за-

лежным вправо почерком начала письмо: «В редакцию газеты «Комсомолец».

Время от времени останавливаясь для того, чтобы точнее сформулировать мысль, Маша быстро писала: «Лозунг надо бросать не комсомольцам. Лозунг надо бросать тем представителям администрации, которые мешают молодежи выполнять свой комсомольский долг...»

Маша не успела отравить письмо. Комсомольское бюро решило отпустить ее на строительство домны, но под честное слово, что после окончания стройки она вернется в дек.

Нашлись и такие сумудренные оптимисты, которые говорили:

— Куда ты бежишь, глупая? Куда? Здесь у тебя и заработок, и авторитет, и чистые полушечки в общепит. Здесь ты Ревницева. А там? Там три тысячи таких Ревницевых будет. Разнорабочей пойдешь?

— Пойду. Кем надо, тем и буду.

Сейчас Маша Ревницева — бригадир комсомольско-молодежной бригады, ударник стройки. Серые глаза ее горят радостью. Ревницева и здесь осталась Ревницевой.

**КАМЕНЩИК
МИХАИЛ ЛЕВШАКОВ**

Направляясь к строительной площадке домны, я стал невольным слушателем одного любопытного рассказа. Шли несколько молодых ребят — трое кадровых рабочих и сотрудник отдела снабжения.

— Он, Левшаков-то, самый скандальный парень во всем Челябинске. Всюду требует, всюду бывает...

— Побольше бы нам таких скандальных, — сказал один из кадровиков.

— Товарищ что надо, — заступились молодые ребята. — Настоящий парень!

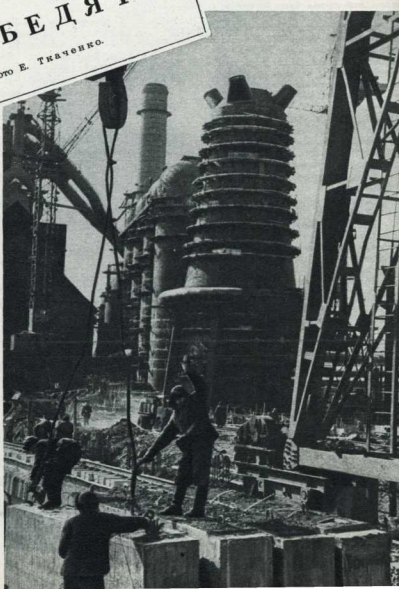
Я заинтересовался, кто же такой этот Левшаков. В комсомольском штабе мне удалось выяснить, что Михаил Левшаков — один из передовиков стройки, бригадир каменщиков. Мы познакомились.

Широкий в плечах, с большими сильными глазами, он произвел на меня впечатление человека наполненного и решительного и в то же время застенчивого и скромного.

— Моя двадцать четыре орла из бригады могут чудеса тво-

На строительной площадке «Челябинской-комсомольской».

мстителем комсорга цеха на заводе имени Орджоникидзе.

Прочитав в газете призыв идти на строительство комсомольской домны, Маша потеряла покой. Два дня она отнастила право внести в молодежную стройку свою долю труда.

— Не отпущу, — категорически заявила начальнику цеха — Точка! Нам хорошие производственники самим нужны.

Но Маша стояла на своем.

— Как же так? — обратилась она к комсоргу цеха. — Кто может мешать мне пойти на стройку?..

— Нет, Маша, я тебя поддерживать не буду, — ответил ей комсорг. — Давай соберем бюро, там поговорим.

Только и кино доводилось Маше видеть новостройки. Сама она работала в теплом, светлом цеху. «Люди знают, что такое трудности, — думала она, — а так и проскут здесь, как болышешка. Слишком все легко и просто».

...За окнами общепитя ребята играли на аккордеоне. Маша сидит заглохла на форточку и пододвинула к столу. Вырвала из тетради лист и крупным, чуть зава-

рять,— жарко говорил Левшаков, разрубая колено ребром ладони— они могут за сутки пять-шесть кубов сделать. А сколько кладут? Мне стыдно говорить об этом, мне стыдно смотреть своим орлам в их очи! Нам надо на сутки топить три тысячи штук кирпича. Выждет, мы можем сложить всего семь с половиной кубов. Что это? Да это же позор!

Я спросил, откуда он пришел на стройку.

С солгорола. Вы видели там новый город?

— Видел.

— Поправился?

Аккуратные линии улиц, многоэтажные корпуса, чудесные скверы. Дворец культуры— все это не могло не понравиться.

— Ну так вот. Я этот город строю. Прохожу по улицам— свой труд вижу. Сколько тысяч людей живет там, где пустырь был? Много!.. Как лучшей бригаде, вам дали объекты на комсомольской даче. Почему? Я полагаю, что почему.

Мы подошли к окну.

— Ничего работают, а?— спросил меня Левшаков, показывая на серый массив фундамента дома, над которым вспыхивали огоньки электросварки.— Хорошо работают, по-уральски!

— Вы сами коренной уралец?

— Нет, курьянин. До пятидесятого года там жил. Там у меня и отец похоронен: кулака его убили, он в нашем Беловском районе коллективизацию проводил. Там же во время оккупации фашисты за моего брата партизаном охотились. К нам в дом врываются, бьют мать, меня. Здорово, надо сказать, бил, негодяи! Братшица потом под Сузун погуб. Вот там, в Курьинской области и насчиталась я на войну, на то, как разрушали да жгли. Там у меня и страсть эта появилась— строить. Строить, людям радость приносить. А что касается покалечить, так я считаю, еще больше скандалить надо, когда мешают рабочим строить. И буду скандалить! Так и запишите. А кому еще скандалить да требовать? Я тут строю, мне и хозяином быть.

МОНТАЖНИК-ВЕРХОЛАЗ ЛЕОНИД БАТАЛОВ

С озера Кад-Куль неволею холодно. У костра, поджав по-турецки ноги, сидел Леонид Баталов, рабочий из Челябинского радиозавода. Напротив, прислонившись к стволу,— дядя Сережа, старый охотник.

— Дядя Сереж,— спросил Леонид задумчиво,— а вот как ты думаешь, красивая жизнь— это что такое?

— Я полагаю так, что трудная жизнь красивая. Которой добиться надо, как девушки любимой.

Дядя Сережа достал кнيسет и принялся сворачивать цигарку размером с петух-носитель.

Вот ты мальчишка, рабочий,— историково засоворил старик,— живешь, как барон какой или граф: каждую субботу охота, рыбалка. Вечером тебе, пожалуй, ста, кино или театр. А какой борьбой, каким трудом такая жизнь тебе досталась, ты собираешься? Вот те, которые на целину поехали, на стройки пошли, они будут знать, что такое красивая жизнь. Когда молоденькая Челябинска обывалка комсомольской стройки

плитой домы, Леснид Баталов пошел в райком за путевкой.

— Прону послать меня на самую трудную работу,— попросил он в отделе кадров.— Я не подведу.

Сейчас ударник Леонид Баталов — монтажник-верхолаз.

ЭЛЕКТРОСВАРЩИК ИВАН НАУМИК

На стройке хорошо известно имя Ивана Наумика — одного из лучших электросварщиков комсомольско-молодежного участка. Строители знают о его успехах в труде. Знают они и о том, как много горя испытал этот парень за свою короткую жизнь.

Польские паны жестоко мстили белорусам, борющимся за счастье своих детей. Отец Ивана Наумика не один месяц томился в тюрьме. Он был приговорен к повешению, но смертную казнь ему заменила пожизненная каторга. Его спасла Красная Армия, принесшая свободу в Западную Белоруссию.

С огромной радостью отец Ивана Наумика строил новую жизнь, организовывал в родном селе колхоз. Но знаменитые фашистов снаряды привнесло смерть и разрушения. Наумик был расстрелян в первые же дни войны.

Тогда Ивану было тринадцать лет. Он решил мстить за отца. Мальчик собирал в лесу оружие, прятал, а потом передавал партизанам.

Однажды, когда Иван зашел к своим друзьям, так же, как и он, мальчишкам, нагрянула полиция.

— Где отец?!

— Не знаем,— ответил за ребят Иван.

Мальчишкам связали руки, вывели во двор и, поставив к плетню, пригрозил:

— Если не скажете, где отец,— расстрелем.

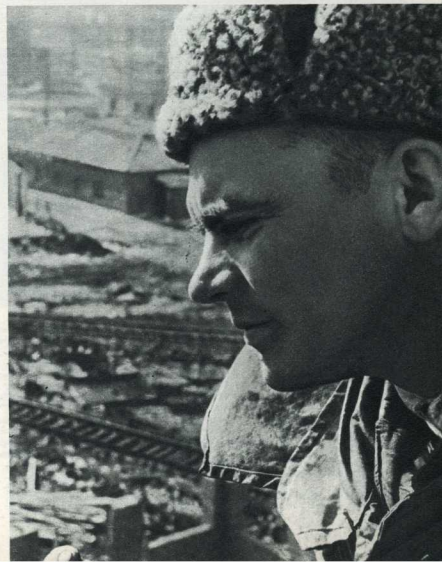
Робота отвернулся от палачей. Они молча смотрели на синюю стену леса, туда, где был их отец — партизан Артем. Фашистам так и не удалось ничего узнать о партизанах.

Несколько месяцев назад Иван Наумик пришел на строительную площадку домы. В тридцатиградусные морозы, вне обращая внимания на ледяной ветер, он сварила стальные прутья армокаркаса и перемычковые листы воздухонагревателей. Он не знал усталости, этот молодой парень, ставший ударником строительств.

Человек, познавший за короткую жизнь столько горя, умеет радоваться счастью. А свободный труд — это ли не высшее счастье для гражданина нашей страны!

— Эти ребята и согни других, похожих на них, беспокойных, напористых, пришли на комсомольскую стройку. Они работают слаженно, четко, энергично. Каждый день в Челябинске на этой даче рождаются подвиги. Здесь творят историю. Творят историю простые советские ребята в ватниках и брезентовых куртках — люди, которые победят.

— Хорошо работают наши ребята, по-уральски! — говорит бригадир каменщиков Михаил Левшаков.

Спорт

Дорогой друг!

Если ты впервые вышел на старт — не робей. Если далеко еще тебе до рекордов — не падай духом. Тренируйся упорнее, борись с секундами и метрами настойчивее, и ты добьешься своего: станешь разрядником и чемпионом, будешь устанавливать рекорды.

Татьяна Пижурка, Степан Камаров, Флора Солдадзе, Лидия Скобликова и другие молодые мастера и первоурядники, снимки которых мы помещаем сегодня на страницах «Смены», тоже были когда-то новичками, тоже не так давно заводали мастером. А сейчас они с успехом защищают спортивную честь своих заводов, вузов, городов и республик, штурмуют рекорды, завоевывают почетное право называться сильнейшими. И пусть еще не все из них стали спортсменами международного класса, но они уже догоняют прославленных мастеров и во что бы то ни стало стремятся их перенять.

Бери с них пример, товарищ!

НА

Татевос МИКАЕЛЯН

г. Тбилиси.

Флора СОЛДАДЗЕ

г. Москва.

Лидия СКОБЛИКОВА

г. Челябинск.

Это было в 1948 году. Огромный зал, где проходили соревнования новичков-боксеров, казалось, вот-вот развалится от грома аплодисментов. Я стоял в своем углу ринга и не смел поднять головы: аллодировали моему противнику, моему одноклубнику Георгию Тавури.

Но иной раз поражение для спортсмена полезнее победы. Позволится упорство, хорошая спортивная злость. Хочется так подготовиться, чтобы в следующем бою наверняка победить. И я победила. Сначала в своем городе, а затем и на ярвенстве страны среди юношей.

Заване мастера спорта я получила. Очень хочется присоединить к нему звание чемпиона республики.

Первый прыжок я совершила два года назад с высоты 500 метров. С тех пор приходится прыгать и днем, и ночью, и на воду, и затапанным. Не так давно мне и моим подругам Зов Жариновой и Вере Антоновой удалось установить мировой рекорд в дневном комбинированном прыжке с высоты 1 000 метров. Меня часто спрашивают: страшно ли прыгать с парашютом? Честно говоря, бывает страшно. Особенно поначалу. Но за то и люблю я этот вид спорта, что он приучает преодолевать чувство страха, воспитывает смелость.

Мечтаю прыгнуть с парашютом из стратосферы.

В институт пришла второразрядницей, а сейчас я мастер спорта, чемпионка РСФСР. На моем спортивном счету — три всесоюзных рекорда. И в этом, конечно, не только моя заслуга. Если бы не тренер Борис Алексеевич Кочкин и не мои друзья — мастера спорта Ираида Зайцева, Светлана Мохина и Анастасия Пашкова, — никогда бы мне не стать чемпионкой. Благодаря их помощи и советам в усердии одно необходимо для спортсмена-комсомолецки правило: нельзя надеяться на одну выносливость, надо уделять больше внимания технике.

От всего сердца я благодарна своим друзьям.

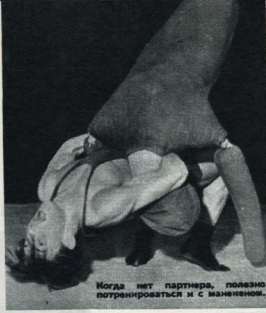

Прошел всего год с тех пор, как я стал чемпионом Грузии по прыжкам в воду. Одержанная победа заставила меня с еще большей энергией совершенствовать свое спортивное мастерство. Да это и понятно: ведь с чемпиона и спрос больше.

Работая токарем на Тбилисском заводе сельхозмашины имени 26 комиссаров. Должен сказать, что с тех пор, как стал заниматься спортом, мои производственные показатели значительно повысились.

Степан КАМАЕВ

г. Тбилиси.

Иногда нет партнера, полезно потренироваться и с манененом.

Спортсмен я молодой, и рассказывать о себе пока вроде нечего. Скажу только, что серьезно начал заниматься спортом два года назад, когда пришел в секцию классической борьбы общества «Труд».

Работа на производстве и учеба в вечерней школе не мешают мне тренироваться и участвовать в состязаниях. В этом году я окончил 10-й класс. Надеюсь вместе с аттестатом зрелости получить и первый спортивный разряд.

Валерий ЖГЕНТИ

г. Москва.

Часто друзья спрашивают меня, как я успеваю совмещать работу на заводе с учебной, обязательными инструктора-общественника, личной тренировкой и выступлениями в соревнованиях. Конечно, это нелегко. Зато сколько радости доставляют мне успехи моих учеников-штангистов, которых я тренирую! С каким упорством и настойчивостью овладевают они мастерством! Недавно многие из них получили спортивные разряды. Это был наш общий праздник.

Борис НЕКРАСОВ

г. Кемерово.

СТАРТЕ МОЛОДЕЖЬ

Фото
С. Акишина,
М. Муразова,
Е. Ткаченко,
В. Тюкеева.

Каждый раз перед началом соревнований я невольно окидываю взглядом спортивный зал. Гимнастические снаряды пока пусты, рассаживаются зрители, занимают свои места судьи. Скоро прозвучит команда и начнется борьба за призы доли балла. Как радости бывают победы! Одна из них мне запомнилась на всю жизнь: в этот день я получила спортивный аттестат зрелости — первый разряд.

Скоро я приеду в Москву защищать честь своего клуба на спартакиаде Советской Армии. Это большая честь для меня, восемнадцатилетней гимнастки. Сейчас усиленно тренируюсь, потому что очень хочу победить.

Леонора ЗАБОЛОТНАЯ

г. Одесса.

Могу сказать без преувеличения: вода — моя стихия. Плавание полюбила с детских лет. Но по-настоящему занялась этим интересным видом спорта в 1953 году, когда поступила в детскую спортивную школу общества «Спартак». Под руководством тренера Ивана Алексеевича Сучкова овладела стилем «дельфин» и не так давно выполнила норму первого разряда.

Я дружу с рекордсменкой Советского Союза Зной Ворониной. С нее и беру пример. Хочу научиться плавать так же, как она, и получить почетное звание мастера.

Татьяна ПИЖУРИНА

г. Москва.

Игра в шахматы требует чуть ли не такой же выносливости, как игра в футбол. Ведь шахматист в течение нескольких недель, а то и месяцев, пока длится турнир, находится в постоянном напряжении. Вот почему многие наши шахматисты, чтобы всегда быть в хорошей форме, занимаются еще каким-нибудь видом спорта.

Я увлекаюсь легкой атлетикой, имею второй разряд по прыжкам в высоту. Мой результат — 1 м 75 см — пока лучший на филологическом факультете, где я учусь. Люблю также бокс, воспитывающий в спортсмене решительность, выносливость, быстроту реакции — качества, столь необходимые за шахматной доской.

Гроссмейстер Борис СПАССКИЙ

г. Ленинград.

Г. КАЛИНОВСКИЙ

БРИГ «МЕРКУРИЙ»

Рассказ

Н а драку комсомольский патруль наткнулся в половине первого ночи. Собственно говоря, это была даже не драка. Пожилой, тучный гражданин в помятой, съехавшей на затылок шляпе держал за широкое плечо и, пошатываясь, как-то нехотя, с одышкой время от времени бил его ладонью по щекам. Лицо обладателя шляпы находилось в тени, а физиономию его жертвы освещала маятников свет двух круглых фонарей над дверью ресторана.

Оба они выглядели так нелепо и жалко, что начальник патруля Костя Новиков, не раз перекатавший руку с финкой настоящего хулигана, не выдержал, усмехнулся и добродушно хлопнул по плечу тучного гражданина:

— Эй, папаша! Не своим делом занялся, инфернт святишь! Дельше произошло невероятное: тучный гражданин резко обернулся, и Костя, бесстрашный Костя, стремительно отскочил в темноту, побежал по улице, разбрызгивая клубками талый снег.

Удар, предвещавший для Кости, достался Николаю Гаврилову. Пока вместе с подоспевшим на помощь вертлявым Ваней Ярцевым они «успокаивали» тучного гражданина, у них не было времени удивляться неожиданной трусости своего командира.

— Сопляки! — орал человек в шляпе. — Я Лазурный! Меня вся эстрада знает!

Закаты ладони локтей железными пальцами Николая, тучный гражданин рванулся вперед и с размаху ткнул ногой в живот Ваню Ярцева. Ваня, глухо ойкнув, опустился на тротуар.

Пьяный, молча встретивший неожиданное осовождение от побоя, вдруг захихикал и, не выжидав, прислонился к восточной трубе.

Николай уже без излишней величести потянул тучного на себя, и они вдвоем грохнулись на тротуар. При падении одна рука Лазурного высвободилась, и Николай почувствовал, как в его лицо впиваются острые ногти.

— Я тебя сейчас нарисую! — слышал он злобное шипение, пахнувшее перегаром. — Портрет маслом из тебя сделаю!

Пронзительная трель милицейского свистка прибавляя Гаврилову сил, он до хруста в суставах сжал высокозвучающую руку Лазурного. Вместе с подбегавшим старшиной они подняли тучного буяна, и старшина сердито сказал:

— Опять вы, граждане артист! Ну, теперь вам так просто не сойдет. Давайте последуйте в отделение!

— За что? — взъярился Лазурный. — За что, я вас спрашиваю? Сначала подсканивается всякая шваль, общедает платить порошну и не платит. Потом шлана на меня налетает. Не дают человеку культурно отдохнуть!

Старшина безразлично поморщился и, словно старому знакомому, кивнул пьяному, по-прежнему безучастно подпрыгивающему водосточную трубу:

— И ты здесь, дядя Сеня? Недавно из алкогольной больницы и опять за свое!

— Мы тут прописаны, — осклабился пьющий — ныне не можем... — Лишь по дороге в отделение милиции Николай вспомнил о Новикове.

— Слушай, а что с Костей?

— Сдрейфил, — уныло ответил Ваня. Он шел полусогнувшись, тулая, ноющая боль пронизывала живот и поясницу.

— Болтаешь! — нахмурился Гаврилов. — Финки не боюсь, пистолет у того рыжого бандюги с Охты отобрал, а тут сдрейфил! Чуть!

— Но драпанул! Факт! — не унимался Ярцев.

Он твердо верил, что, будь Костя с ними, он не получил бы такого подлого, нечестного удара. И главное, кто ударил!

— Я его узнал, — шепотом сообщил Ваня. — Он и вправду артист. У нас в клубе перед киноесном стихичи о вреде алкоголя читал. Вот сплюнул!

Но Гаврилов пропустил мимо ушей важное открытие Ярцева. Ему уже было в высшей

степени наплеваят на Лазурного. Подумавшись, утихомирили одного лишнего заблудцу! Николаю волновало другое: почему сбегал Костя? Не мог же он в самом деле испугаться этого рыжого дядю! В городском штабе комсомольского патруля Новикова всегда ставили в пример за выдержку и бесстрашие, награждали почетными грамотами. Все охотно отравлялся с ним в очередной обход, знал, что Костя не подведет и, не задумываясь, слегка наклонив голову, спокойно врежется первым в самую гущу любой свалки...

Мучительно пытался объяснить себе Николай Гаврилов сегодняшнее бегство Кости, но объяснения не находилось.

«Костя — и ядруг струсил!» Ерунда! Это все равно, что Костя заплякал. Кому угодно в цехе скажми, — засмеюта.

Но Костя все-таки плакал... Подходя со спины к пьяному толстяку, он и не подозревал, что с шутливым словом «папаша» он обратился к родному отцу...

Он не видел его четыре года, с тех пор, как погиб бриг «Меркурий». Он уже начал забывать сухой треск отполированного корпуса модели, над которой трудился долгими зимними вечерами; выветрился из памяти жалобный звон рычащихся стальных струн, заманившие счастья, и вот сейчас все повторилось снова. Даже слезы, ни разу после того не блеснувшие на глазах, были точно такими же, как в тот далекий день: слезами горечи, обиды и бессония...

На одну секунду он встретился с ослепительным отцовским взглядом. На одну секунду! И все равно этой секунды хватило, чтобы опять превратиться в беспомощного мальчишку, будто и не было в его жизни ставлея на судостроительном заводе, где он двинным-давно считается далеко не последним человеком...

Вспыра кулаком слезы, Костя медленно брел вдоль Невы. От реки ткнуло пронизывающим сырым холодом, в широких промо-

нах черная вода с еле слышимым песком плывающего вранью лыда.

— Когда все это началось? В день гибели «Меркурия» Нег! Гибель брига была концом целой эпохи уродливой жизни. Разломам на куски людей, отец больше не вернулся в семью... Начались все гораздо раньше. О самом начале бед мы могли рассказать только мать, но по молчаливому соглашению сын никогда не заговаривал с матерью об отце. «Не душой он мне, Костенька», — глядя в сторону, тихо прошептала Анна Павловна. — Он не понимает, ему ведь плохо всею. Она вздыхала и, протерев очки, склонялась над столом, заваленным лоскутками материи, до поздней ночи шила юбочки: деньги на жизнь Анна Павловна зарабатывала на изготовлении цветаст для покорного бюро.

Костя до бешенства ненавидел мертвые, яркие розы, ему хотелось с остервенением втоптать в пол ядовитые-зеленые листья из тонкой жесты. Он не сдержался однажды, закрыва прозитичным, домком голосом: — К черту твои цветы! К черту! Устроила из дома кладбище! Стоить не хочется!

Мать встала из-за стола и неохотно опустила искоса глаза прошеванной руке. — Но у никого другого не умею, сынко. — Он убежал и, проклиная себя за беспределность, до рассвета бродил по улицам. Утром он попросил у матери прощения, а через два года разгар лета выкрик заветел в комнату и потребовал:

— Немедленно затопить печку! Быстро! Не обращаю внимания на растерянную Анну Павловну, он сам небросил сухих щепков, чиркнул спичкой и принялся лихорадочно оклеивать в огонь целые охапки цветов. Жест трещала, корбились на огле, на паркет брызгал интарсиям каплиам воск, заваяло горелой материей, а Костя со съехавшим хохотом исполнял около печки танец диких. Это был день его первой зарплате...

Ну вот, нашел о чем вспомнить — о первой зарплате! А раньше, как жил раньше, до завода? Мысли путались, надо было найти самое главное, до конца разработать, почему он за полгода сегодня, почему отец и бриг «Меркурия» не могли существовать под одной крышей...

Что он знал об отце? Мало, очень мало! Знал, что с Василием Петровичем Новосильцевым работал массивком. Потом война, и с войны отец вернулся с новой профессией. Он объяснил, что теперь он эстрадный артист. Костя с гордостью рассказывал товарищам по школе о похальной бумаге, подписанной генералом, которую отец получил за активное участие во фронтовой бригаде художественной самодельности.

— Я из тебя сделаю знаменитость, Кот! — сказал тогда отец. — Не забывай! Ты сын интеллигента!

Не слушая возражений матери, он забрал Костю из нормальной школы и устроил в балетное училище. Всего один месяц продержали его там и отчислили из-за отсутствия способностей. Сиюучий от радости, что отдавался наконец от проклятой перекладки перед зеркальной стеной, Костя вернулся за свою парту, а Василий Петрович ввлекл сынаву лавру артистическую, где придумал для него новое призвание — музыку. В комнату втащили взятый напрокат рояль, и селая учительница музыки, курящая коронные сигареты в длинном мурдышке, заставляла Костю до звона в ушах барабанить по клавишам. Она оказалась менее терпеливой, чем преподаватели балетного искусства, и спустя неделю честно объяснила отцу, что его чадо не имеет ни малейшей надежды на лавры Сергея Рахманинова.

— Абсолютно вырожденный! — изумленно развел руками Василий Петрович. — Придется попровотать тебя в оригинальном жанре.

От «оригинального жанра» и сейчас становится мурно до звона. Отец приносит непонятные на машинке куплеты по бюрократов и проворовавших замагов, призывает звонить намузт — и начиналась пытка. Он ставил Костю в угол комнаты, усаживая на диване и командовал:

— Выразительнее! Рефрен идет на танец! Раз! Два! Три!

Костя сбивался, бубнил плохо зарифмованные строчки и никак не мог понять, зачем при этом нужно дыгать ногами.

— Бездарный! — впадал в истерику Василий Петрович. — Никакого чувства ритма!

Как-то Костя осторожно нахлопнул отцу, что лучше, пожалуй, он будет читать стихи о море и войне. Василий Петрович синкопидельно усмехнулся и наградил его щелчком в лоб.

— Дурочник! Только куплетисты зарабатывают правильную денюгу. Настоящие эстрадные! Попробуй!

Но Костя не понял. Он многого не понимал в поступках отца. Например, для чего отец покупает книги? Как сказал раз, если удачно сын выступил и в дождь выпадает деньги, Василий в твердых, тисненых переплетках. Самодевольно мурылка, он водружал книги в шкаф и подолгу превращал их, сортируя по полкам корешки одинакового размера.

— Без книг интеллигентны жить не могут! — запира на два замка шкаф, говорил Василий Петрович.

За все годы детства Костя никогда не видел отца читающим. Книги поблескивали под стеклом золотыми буквами и в трудные дни постепенно исчезали...

Не понимал Костя, зачем отец переименовал на Лауринья фамилию Новосиков, зачем отец объяснял, что это сделал специально ради большей заучности. Лично Костя фамилия Новосиков вполне устраивала...

Разочаровавшись в артистических талантах сына, Василий Петрович изредка брал двумя пальцами Костю за подбородок и с удивлением спрашивал:

— В кого ты уделся? Ни мечты, ни фантазии! Серость!

Костя бдительно, кусая губы, сдерживал слезы и молчал. После того предельно обидных слов у него не хватало смелости сказать отцу, что мечта есть, она появилась еще в пятом классе после чтения старой, растерянной книжки о бриге «Меркурий». Впрочем, может быть, это было и не мечта. Просто

Борис ШАХОВСКИЙ ПИСЬМА

Пишут мне товарищи по школе,
Новостям делится со мной.
Письма, Телеграммы.

А давно ли
Собирались в комнате одной?

Жили рядом.

Много новорожденной
Постречаться запросто могли
(Пять минут трамвая), а сегодня
Между нами версты пролегли.

Я не жил от ветров зачелуемных,
Я не рос в изнеженной тиши,
Я не маня меня и был выгонный:
У меня оседлый склад души.

Я писал ребятам анкетурно.
Письма сотни верст отлежало
И привычно шестую обратню
С четким штампом: «Выбл адресат».

Письма эти, вдавненные вкды,
На своем пути опалены
Уходящей ступей Антарктиды,
Духовитым зноем целены.

Почему ребята не сиделось,
Поял я, их письма дыша.
Вот и мне в дороге зазолотелось,
Запросился в странствия дыша.

Я хочу узнать, как ливни влекут
Впадет от прочного жилья.
Письм теперь меня друзья пошлют:
На расцвете узнаю я.

И однажды вечером, возможно,
Будут и друзья удивлены
Штупелями почты затаяной,
Может, даже весточкой с Луны.

стоило Костя закрыть глаза — и сразу появлялись легкие, двухмачтовый корабль. Он летел по морю, чуть накренившись на левый борт. Несколько минут назад матрос, дежуривший на марсе, добрался капитану: «Увидел немца в турции корабль. Сидит в команддате вымпела». Капитан собрал военный совет и по традиции предоставил первое слово младшему по званию — штурману Прокофьеву.

Отец, конечно, рассмеялся: «Увидел немца в капитанской? Это происходит не то иной, как сам Костя, и вместе с юным штурманом предлагает драться до последней капли крови, а в случае поражения — взорвать бриг».

Бой начался. Зарямясь уверенные в полной безопасности двадцатилетнего «Меркурия», турок выделывает из эскадры два мощных корабля в погоню за «Меркурием». Однако маленький бриг ловко маневрирует, и то все-таки удается четкому артиллерийскому выстрелу накрыть его бортовым залпом. Правда, он бушует на бриге пожар, горят паруса, но меткий огонь русских артиллеристов не ослабевает ни на минуту, и флагманский корабль турок, поблескивая в родном селе, с криком: «Срочно! Срочно!» в часе дается небывалый бой, и враг прекратил преследование. Победивший бриг, потушив пожар, взял курс к родным берегам...

«Кто построил такое судно? Кто создал корабль, поблескивая в родном селе и удерживаясь на воде?»

О строителе «Меркурия» в книжке ничего не говорилось. И все же Костя по-своему представлял कि задумчивым инженером со старыми ринными надписями циркулями в руках и плечистых, русоголовых плотников в дымчатых рубахах. Обыкновенными топорами, отпиливая на солнце стальной стамбу, он был быстро и привычно, словно возмужавший родом селе добротный столяр, вставивший из дерева величественный по тем временам боевой корабль... Окончив седьмой класс, Костя выслушал очередное изумление по поводу врожденной серости и не выдержав, открылся отцу: — Я — Юга строителем!

— Что-то? — проткнул Василий Петрович. — Пять лет студенческой зубрежки — и в результате рядовой инженер с маленьким окладом! Превратная перспектива!

Костя смякнул под холодным взглядом Василия Петровича и вдруг понял: они с отцом разговаривают на разных языках. Никогда не удавалось объяснить отцу, что можно часами стоять возле забора судостроения и, зарвав наравле моту, шуриться от всплеск электроварки, жадно дышать ветерок, пахнувший горячим железом, и уже видеть наперед, как на расцвете выходит из Невы в открытое море в первое дальнее плавание новорожденный гигант...

Чтобы удержать в душе свою будущую корабль, надо теперь прятаться от холодного отцовского взгляда, упрямым молчаньем защищать мечту. Дома никто не узнает, что Костя — членом чужих кораблестроитель при Демю пионеро...

А между тем творческие дела Василия Петровича шли все хуже и хуже. Раньше, в первые годы после войны, ему еще помогало звание «участник восточной бригады». Но не особенно изыбного репертура, да и вообще не особенно выделялся дарованием, Василий Петрович медленно и верно скатывался с больших эстрадных подмостков и случайным выступлением, к примеру, незаконно оплачиваемым концертам.

— Интриги! — жаловался он матери. Мучительный стыд за отца охватывал Костю, когда Василий Петрович, упрямый от неудач, звал по телефону знакомых артистиков.

— Дорогуша! — напирившим голосом басил он в трубку. — Ты присутствуй на моем последнем концерте! Будь доброй, какай стайку, поддержи по старой дружбе. Обещай! Ну и ладненько! С меня причитается, вспрямно...

Но положительные рецензии почему-то не появлялись, и Василий Петрович «вспрыскивался с гора самостоятельно, все чаще вываливался пьяным в среду или пятницу в угол шахты, он хватался за стенку, кривил мокрые губы в злой ухмылке и хрипло кричал на мать: — Переживай! Думаешь, пропадают? Н-нет! Наудачу выходи!

Вскоре он действительно нашел воеводу. Двух раз в неделю перестал ночевать дома, и по намекам и улыбкам услужливых приятельниц Анна Павловна узнала, что ее муж сошелся с какой-то специалисткой по организации «левых» концертов.

Тяжело, но ничего не подделав, вспомнить нужно честно: Коста в то время старался не замечать семейного разлада. С утра он убагал в школу, потом, наскоро перекусив, мчался в Дом пионеров и до позднего вечера возился со своим «Меркурием». Его беспрерывно пугало, что он опять неправильно рассчитал модель, она не совсем похожа на знаменитый бриг, и он покидал кружок последним, измазанным столярным клеем, с порезами и ссадинами на руках. Переполненный собственными заботами и волнениями, он устал валиться на кровать, не обращая внимания на красивые от слез глаза матери. Засыпал он мгновенно и во сне вырезал для «Меркурия» паруса из бесконечных, тугих облаток...

Бриг был окончен, и руководитель кружка похвалил Костю:

— Профессионально сработано. Отправим обязательно на выставку. А пока забирай домой, лобуеся.

Говорят, от большого счастья люди не чувствуют под собой земли, почти летят по воздуху. Возможно, это и верно, но счастливый до головокружения Коста шев из Дома пионеров, наборот, очень медленно, бережно прижимал к груди «Меркурий» и, боясь поскользнуться, впервые в жизни ожидал на перекрестках зеленого света.

Открыв в комнату дверь, Коста замер на пороге. Из распахнутого гардероба ткнулись на пол сорванные с вешалки, скомканные ма-

мины платяных, посредние комнаты на двух перевязанных ремнями чемоданах сидел в пальто Василий Петрович, а мама лежала на диване, уткнувшись лицом в подушку.

Увидев Костю, Василий Петрович вздохнул и выпустил из рта синюю стружку папиросного дыма.

— Пришел! Ну и молодец. Попрощаемся, как мужчины, Кот. Так лучше для нас всех.

Глохо соображая, что происходит, Коста вынужден был лишь определить, сильно ли пьян сегодня отец. От него явно пахло спиртным, но вел себя он удивительно тихо, не кричал, не ругался и упорно смотрел куда-то мимо Косты.

— Ты знай, сынок,—по-прежнему не повышая голоса, продолжал Василий Петрович,—я тебя люблю и никогда не брошу в беде. Ты, пожалуйста...

— Зачем ты лжешь?—перебила его Анна Павловна.— Ты тварь, понимаешь, мелкая, гуская тварь! У тебя в душе ни любви, ни невинности. Пустота, одна пустота!

Отец укоризненно покачал головой и снова заткнулся папиросой.

— Не надо при ребенке, Анушка, не надо. Я честно общаюсь: пока Кот будет студентом, без денег не оставлю...

Только услышав последние слова отца, Коста все понял. Он осторожно поставил на тумбочку «Меркурий», дула с футляра несущуюся пылинку, не спеша приблизился к отцу и носом Боткина резко вышиб из-под него один чемодан. Чемодан со свистящим шелестом пронесся по паркету до дверей, а Василий Петрович грузно плюхнулся задом, не удержавшись, опрокинулся на спину.

— На родного отца руку поднимай!—взре-

вел он, неужелюбо поднимаясь с пола.— К тебе с добром, а ты! Гаденыч!

Громоздкий и тяжелый, сжимая кулаки, он шагнул к Косте. Анна Павловна сорвалась с дивана, загородила собой сына.

— Не смей! Не смей, подлец!

Василий Петрович остановился, зная, как криво ухмыльнувшись его губы. Он круго повернулся, схватил с тумбочки «Меркурий» и стеклянные стенки футляра брызнули осколками, сухо треснул корпус корабля, пронзительно завылали винты из балластных струн.

— Меня не игноришь промывай! В инструменты метишь? Не бей мою помочу! Будешь замки чинить, канализацию чистить!

— Не в силах динуться с места, Коста оцепенело наблюдал гибель брига. Странно, но теперь, чем через три года, он готов поклясться, что в мутных глазах отца, кроме тьмыной злости, мелькало еще что-то, очень похожее на страх. Он словно боялся маленькой, хрупкой модели и ломал, остревенно коржили ее Костыными пальцами.

Дня два с отцом гуляло хлопнуло, и Коста заплакал. Заплакал по-взрослому, не всхлиывая, не шмыгая носом. Вспомощные слезы первого настоящего горя горчичными ручейками обливали щеки. Мечта, растерзанная на крошечные цветные обломки, валялась под ногами...

— Коста, ты!

Коста вздрогнул и не сразу, будто сквозь туман узнал подворотню собственного дома. Из темного провала подворота навстречу ему бросилась девушка.

— Знай! Что ты здесь делаешь?

— У него хатает нахалства спрашивать! Люди воюются, а он...

— Это я ей сказал,—неторопливо выдвинулся вслед за Зиной Николай Гаврилов.— Не понял я, куда ты делься. Попрошил, чтоб она Анне Павловне позвонила. Вот с тех пор и ждем...

— Вы напрасно,—смущенно пробормотал Коста.— Я просто прогулялся решил, воздухом подышать...

— Интересно!—ехидно протянула Зина и заговорила быстро и возмущенно.— Значит, тебя для этого со ступен на три дня осебодили? Вы же с Николаем уже гуляли... Завтра экзамен, а он фортели выбрасывает. Ну, что ты уймаешься, бегемот!

Коста с удовольствием слушал Зинину нотацию и улыбался от радостного ощущения, что она одним рывком вытнула его из глубокого, душного потока воспоминаний. Он забыл о завтрашнем экзамене по математике, забыл, что он студент второго курса вечернего факультета Кораблестроительного института, и зря, совсем зря заплакал сегодня. «Меркурий» не погиб. Бриг плавает, и на нем вместе с Костей плывут друзья: лохматый Колька, сосед по парте, и Зина из заводской библиотеки. Зина, пожалуй, не только друг. Она с ним целовалась, пусть не задается особенно...

— Если ты принесешь зачетку без пятнадцати, пеняй на себя!—не унималась Зина.— Ну, за что не прошу!

— Хватит! Не кипятись!—грубовато обсуждал ее Коста, хотя ему хотелось сказать спасибо, поблагодарить, что два человека беспечно колесили, ждали его до трех часов ночи в сплотившуюся, соборную погоду...

Николай Гаврилов, очевидно, догадывался, что он становится третьим лишним и все равно не узнает сейчас причину бегства Косты, попрощался:

— Испытаться надо. Пока!

Зина, едва затихи его шаги, положила ладони на плечи Косты и, заглядывая в глаза, со всем другим голосом потребовала:

— Говори! Правду!

Коста задумался и серьезно ответил: — Я побывал в своем вчере. Не помнишь? Ну, ладно, пойдем к автомату, усложню маму и попытаюсь тебе все объяснить...

Утро никогда не опаздывает и никого не щадит. Ровно в девять Коста взял со стола экзаменаторы билет, а Василий Петрович Лазурный, несмотря на просьбы отнестись к немунисходительно, как к представителю творческой интеллигенции, получил пятнадцать суток за мелкое хулиганство.

К. Шайхметов. В родном ауле.

Всесоюзная художественная выставка 1957 года.

Г. Ханджян. На берегу Севана.

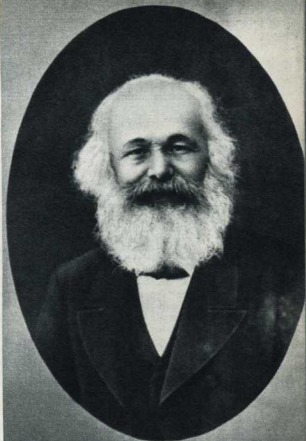

Г. Савинов. Университетская набережная.

Всесоюзная художественная выставка 1957 года.

ЗОЛОТОЙ ФОНД

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КАРЛА МАРКСА

Последняя фотография Карла Маркса, сделанная за год до его смерти.

Свыше тридцати лет сотрудники Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС собирают подлинники документов основоположников научного коммунизма — Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Еще в 1921 году, заботясь о сохранении этого бесценного наследства, Владимир Ильич Ленин в записке на имя директора только что созданного Института Маркса и Энгельса спрашивает: «Есть ли надежда собрать нам в Москве все опубликованное Марксом и Энгельсом?»

Письма Маркса и Энгельса собирают по траншейной рукописи или это не существует?»

В тяжелейшее для молодой Советской страны время Владимир Ильич распорядился покупать за границей рукописи Маркса и Энгельса или хотя бы фотоснимки их.

Теперь в архиве хранится подавляющее большинство документов Маркса и Энгельса. Здесь, например, лежат черновые рукописи «Капитала».

Главный хранитель подлинных документов Иранда Михайловна Мирнова берет со стола папку из подлинной картонки.

— Вот так мы храним любой документ, даже маленький листок. Каждый лист рукописи переложив в конверт, выматываем, помещаем в две папки из ватмана «односторонку» и «двухсторонку».

В тиши научных кабинетов сотрудники института изучают каждое слово на фотоснимках рукописей Карла Маркса. Пришедший сюда впервые испытывает особое волнение, глядя на страницы, испещренные беспрерывными буквами, похожими на арабскую вязь. Маркс писал очень мелко, и рукописи его на первый взгляд кажутся уменьшенными копиями. Возможно, Марксу и жилось в постоянной нужде и лишениях, приходилось экономить даже на бумаге. Маркс часто сжимал слова, выкидывая буквы. Владеа несколькими языками — английским, французским, итальянским, испанским, латинским, древнегреческим, русским, — он щедро пересылал свои рукописи словесами и выражениями из всех этих языков.

Нану Ильичичну Немоящую, одну из старших сотрудниц архива, называют «энатоном Марковского почерка». Почти тридцать лет она занимается расшифровкой самых трудных строк.

— Когда мне впервые дали рукопись Маркса, — улыбается Нана Ильичична, — я совсем отчаялась, решив, что простому смертному такую рукопись никогда не прочтешь. А теперь привыкла. Вот эта, например, страница Нана Ильичична показывает фотоконпию, на которой, кажется, немислмо разобрать ни единого слова. — Так это же в

сравнении с другими рукописями — каллиграфия!

В первом томе сочинений Маркса и Энгельса, вышедшем в 1928 году, было напечатано письмо девятнадцатилетнего Карла Маркса — студента Берлинского университета — отцу в город Трир. Рассказывая о своей студенческой философской работе, Маркс писал: она «стоила мне огромных умственных усилий... и написана так (запутанно)... что я сам теперь едва могу понять ее... это мое любимое детство... Слово, заключенное в скобки, и не смогли прочесть в подлиннике и дали такое примечание: «Элеонора Маркс, опубликовавшая это письмо, в своей вступительной заметке пишет, что в оригинале неразборчиво слово...»

Готовя письмо для нового издания сочинений Маркса и Энгельса, Нана Ильичична решила расшифровать это слово. Много было потрачено усилий, но неразборчиво написанное слово она разгадала. Смысла его оказалось противоположным тому, что писали раньше: не «запутанно», а «чисто». В новом издании уже не будет примечания к этому письму Маркса.

И вот так, слово за словом, из года в год Нана Ильичична и другие работники уточняют тексты Карла Маркса. В институте изучается все, к чему прикасалось перо Маркса, будь то пометки на страничках книги, да в газетных вырезках или письмах, присланных рядовым пролетарием в Генеральный совет Международного товарищества рабочих. Даже подчеркнутые Марксом слова важно. Оно показывает, чему Маркс придавал особое значение.

Научные сотрудники архива исследуют не только пометки Маркса, но даже... его подчеркивания и отчеркивания. Они просятывают массу различных ис-

точников — газет того времени, писем Маркса, документов Международного товарищества рабочих, — чтобы доказать свою догадку.

Если их предположение будет обосновано, в обширном каталоге архива появится новая карточка.

«Маркс К. Отчеркивание и подчеркивание на письме Федерального комитета горных обществ Лондонской конференции Международного товарищества рабочих от 4 сентября 1871 г. о расколе в Романской Федерации.

Обоснование принадлежности пометок Марксу: Маркс делал на Лондонской конференции доклад о расколе в Романской Федерации МТР (вторичное заседание 21 сентября 1871 г.).»

Сокровищница подлинных документов великих основоположников научного коммунизма так богата и так глубоко и любовно изучена, слово Маркс и Энгельс жили и работали не в Брюсселе, Париже и Лондоне, а в Москве.

15 марта нынешнего года, в день семидесятилетия со дня смерти Карла Маркса, в газете Социалистической единой партии Германии «Новес Дейвланд» был напечатан очерк о советском Институте марксизма-ленинизма и его архиве.

«Даже тогда, когда в Москве был слышен гром немецких оружий — пришла газета, — не прекращалась работа по изданию сочинений обоих великих немцев. Наоборот, они превратились в оружие против фашистских захватчиков.»

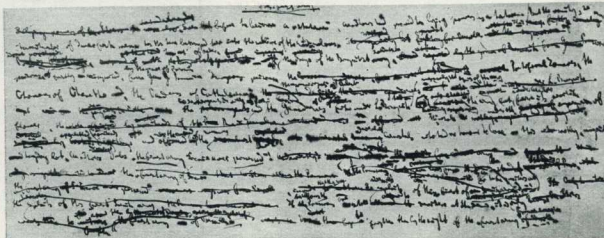
Об Институте марксизма-лени-

низма знают коммунисты стран Западной Европы. Они считают своим партийным долгом помогать дальнейшему обогащению «золотого фонда» института. В последние годы внук Маркса Эдгар Лонге и Центральный Комитет Французской компартии прислали в Москву 26 писем Маркса и 213 писем Энгельса. Правнуки Маркса передали рукописи, которые считались до этого утерянной.

Произведения Маркса и Энгельса напечатаны в нашей стране миллионными тиражами на всех языках народов Советского Союза.

Сейчас институт выпускает в свет второе издание сочинений великих мыслителей. Это будет самое полное и самое точное собрание их трудов.

А. ШАМАРО,

Рукопись Карла Маркса.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

«Волга» — так называется вышедший недавно в Ульяновске второй сборник стихов молодого поэта Николая Благова. С первых же страниц стихи привлекают внимание необычайной свежестью и богатством поэтических мыслей, меткостью выразительности деталей. «В припущих, детских кулачках кувшинок густело золотое молоко», «Как детей, собрал подсолнух рой ромашек жаторожки», «Абы там, как вприпался в огороды, так и тянут — аж рвутся плетни» — протезы эти строки и, уже не отрываясь, листается странички маленькой книжки, пленяющей нас воздушными интонациями, яркой и самобытной образностью.

Примечательно, что поэт не «захламляется» образом, не выпячивает его кричающе — смотрит вназад — а, наоборот, стремится подчинить поэтическую находку замыслу, сюжету, хочет, чтобы сквозящая деталь «работала» на идею. Отсюда и непринужденность рассказа о родной природе, о земляках-вогтярах, о счастье Родины. С любовью говорит Николай Благов о жилищной силе деревенского труда, о колхозных делах и заботах. При этом он старается избежать лобовых решений, опускаясь — в книжке почти нет холодных рассуждений.

Большинство стихов сборника посвящено Волеге. Тем не менее название книги гораздо шире: оно заключает в себе понятие о самом дорогом для человека — понятие о Родине. Тема любви к Отчизне пронизывает и поэму «Волга», занимающую половину сборника:

И когда тебе впишет в простор
оно заключает в себе понятие
И нога подошьет и ней, этот сонный,
Только выдохнешь. — Волеги!
Только слышишь:
Россию!
И умоешься вечно жизнью водою!

В лирических отступлениях поэт выходящему говорит о людях, выросших из берегов великой русской реки и как бы переваливших из нее могучую, богатырскую силу:

«ЦВЕТИ, НАШ ГОРОД!»

Нет, пожалуй, такого парня или девушки, которые не любили бы свой город или село, не хотели бы превратить его в цветущий сад. Много труда вложили в озеленение родного города и молодые омичи, о патристическом почине которых рассказывается в книге «Цвети, наш город!», выпущенной издательством «Молодая гвардия». Автор книги, бывший секретарь Омского горкома комсомола, ныне секретарь Ленинского райкома партии Омска, В. Темцев сам был одним из инициаторов молодежного похода за

Мы насвою отразились в волне
твоей чистой.
Согреваешь нас, кормишь и учишь, люби,
И растишь волегарей, крутолобых,
плечистых,
ты смотри,
Как похоти они на тебя!
В наши души заходит твой
полководца,
Вьют твои родники в наши щелки
войной.

В поэме много волнующих, эмоционально насыщенных строф, сочных, очень зримых и живописных картин волжского раздолья. В то же время заметно слабое владение композицией, в результате — длиннота, лишние эпизоды, особенно в начале поэмы. Такой эпизод, например, как похитление рыбацкого домика после перекрестия Волги плотиной, дана, а сколько, мешая развитию действия и попросту путает читателя.

Николай Благов, как это показывают лучшие стихи сборника — «Песнь полководца», «Срочка», «Туча», «В доме Левина» и др. — очень солнечно и оптимистично, никогда не загораясь, — хорошо владеет лирическим сюжетом. Проникновенно и поэтично пишет он о больших и малых радостях, о буднях колхозного села, умеет раскрыть в незначительных на первый взгляд явлениях жизни глубокий смысл. Хочется пожелать Благову, чтобы в дальнейшем он расширял проблематику своей лирики, полнее отображал внутренний мир советского молодого человека.

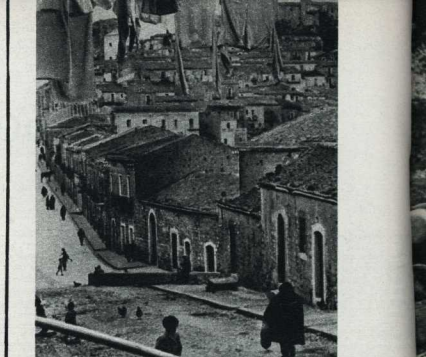
Все стихотворения сборника представляют вполне законченные, зрелые, как и законченны, пожелай, однако, наиболее длинное, и наименее ясное по идее. Это стихотворение «Двое». Оно оставляет впечатление наудуманности, в нем встречаются источинные выражения («Делалось бы вернуться, осоматреться», «Руюк прощания, памятно тяжелой»), прилизанные рифмы (всегда — одна). Может быть, недостатки стихотворения «Двое» попросту так замысли, что в целом книга Благова отличается высокой простотой, ясностью мысли, мягким лиризмом.

Пожелаем Николаю Благову творческих успехов.

И. ДЕНИСОВА

КНИЖНАЯ ПОЛКА

озеленение. С любовью пишет он об истории Омска, об огромных преобразованиях, происшедших в нем за годы Советской власти, рассказывает о делах юных садоводов — школьников и студентов, рабочих и воспитанников ремесленных училищ. Опыт у молодых омичей большой, его уже перенимают друзья из других сибирских городов, но планов на будущее еще больше. И с каждой страницей читатель все больше убеждается: мечта, зародившаяся сорок лет назад, мечта отца тепличных комсомольцев от том, чтобы сделать Омск городом-садом, скоро сбывается.

Вот он, город Вилло Валентино. Главное его богатство — оливыные рощи. Но этим богатством владеть очень нелегко. А вот в таком невзрачном домишке тотчас Катрано, глущие спину на владельце оливыных рощ.

ИДЕТ СЧАСТЬЯ ПОД ОЛИВАМИ

Фото и текст Винченцо Россси

Калабрия — юг Италии. Она славится своими оливыными рощами, особенно Вилло Валентино — город, расположенный неподалеку от побережья Тирренского моря. Когда подходит время собирать урожай оливок, сюда спускаются сотни мендичи из окрестных горных селений. Они трудятся до самого января, а их безработные мужья дома присматривают за детьми.

Туда сборщицы оливок едва ли не самый изнурительный для мендичи. Они отправляются на работу с первыми лучами солнца и, подгоняемые надсмотрщиками, подбирают с земли плоды, упавшие с деревьев. Целый день сборщицы не разгибают спины, и только и вечеру наступает короткий обеденный перерыв, которого едва хватает на то, чтобы съест лютость черствого хлеба и немного овощей. Наспоро переставившая на склад тяжелые мешки с собранными оливками. Усталые и разбитые, возвращаются они в обще барани, если так можно назвать сараи, временно приспособленные для жилья...

дают предприниматели. Хорошо еще, что вы денег ей заработать». Все это говорится для того, чтобы помешать калабриским труженницам бороться за лучшее будущее. Но женщины Калабрии все больше начинают понимать, что является истинным виновником их бедственного положения. С каждым годом они все смелее отстаивают свои права.

Сборщицы мечтают о тех счастливых днях, когда добьются полного равноправия. Но пока нет им счастья под оливами.

Перевод с итальянского.

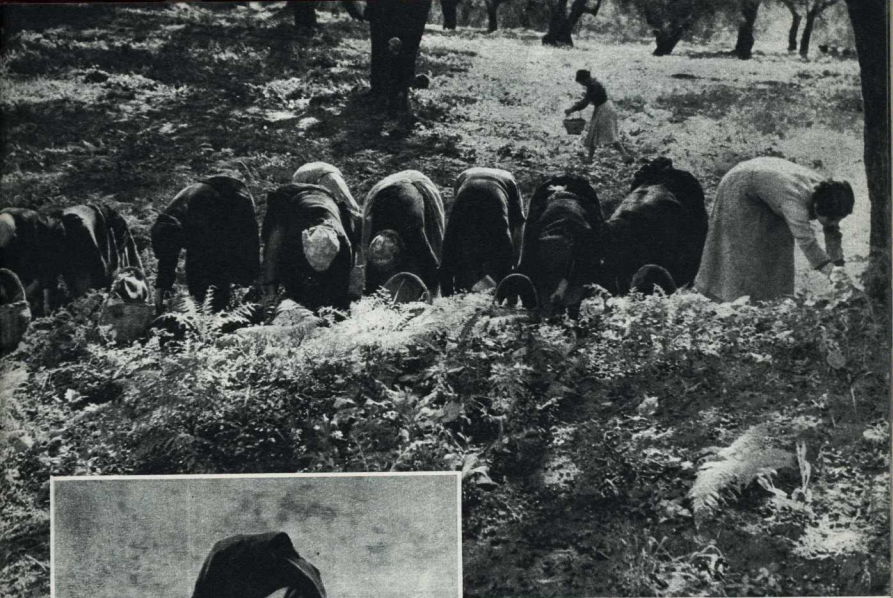
На центральной площади города в воскресный день идет бойкая торговля. Рядом с фруктами и овощами продаются подерманные шкуры, привезенные из Соединенных Штатов Америки: ниннее белое, верхнее пальто, ботинки.

Спину вы гнем под чужими
до похитения вечера.
И кто же посмеет назвать нас
счастливыми
И говорить, что печальнее
ничего? —

поется в одной из народных песен, которые грустно затягивают во время работы сборщицы оливок.

«С детских лет приучены калабриские женщины и этому тяжелому, однообразному труду. Потому они и стареют так быстро, потому так рано уходят из красоты. Но что поделашь! Везде надо идти. Владелец оливыных рощ удеривают за плечи и платят им деньги за работу. Предоставляют зарплату сборщиц. Пристают, чтобы принести эти труженничьи деньги, ноные женщины остаются у них на жизнь? Какая судьба уготована женщинам более низкого положения в обществе, чем мужичине. Е место дома» — в один голос утвер-

Заканчивается трудовой день. Усталые женщины переносят на склад мешки с собранными плодами. Одна из сборщиц упала, уронив на землю свою тяжелую ношу.

С утра до вечера, не разгибая спины, трудятся женщины в окрестностях Вибо Валентии. Таким же примитивным способом собирали плоды в оливковых рощах и тысячу лет назад—

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛОВЕЦ

Юмористический рассказ

Азиз Несин — турецкий юморист, представитель молодого поколения коммунистического писателя «Албаса», издающегося в Стамбуле. За последние два-три года в турецких газетах появилось много статей о писателе Азизе Несине, который в турецких издательствах выпустил несколько книг. В 1957 году в Москве издательство «Мир» опубликовало рассказ Азиза Несина под названием «Политический ловец».

Н екогда я был невнимком молодым человеком. Но вот однажды мои домашние, не довольствуясь счастьем, которое они получали от собственных браков, решили женить и меня. Заметьте: я не сделал ничего дурного.

Мать сказала: — Прежде всего невеста должна понравиться мне.

— Это будет непременно мусульманка! — заявил отец.

— Нет, — возразил брат, — она должна быть такой, чтобы мне стоило было показать людям!

— Послушай меня, племянничек! — сказал дядя. — Достаточно того, что мы натерпелись от невест-жественных женщин. Пусть твоим знает зависти, музыку! Пусть это будет культурная женщина.

Каждый был по-своему прав, но ведь я не мог жениться сразу на десятих. Если же говорить о моем желании, будь это в мой власти, я за волосы стану бы с белого экрана краскою по имени Рита Хейворт и потащил бы прямо под венец.

Самой последовательной и твердой в своем решении оказалась моя мать. Подписывая мне невесту, она месяцами рыскала по Стамбулу от дома к дому, от ворот к воротам, от дварей к дварям. Вернувшись домой однажды вечером, она вскрикнула, как некогда Архимед:

— Нашла! — и свалилась в изнеможении на пол.

Отдыхавшись, она принялась раскладывать мою будущую жену: — Ах, какая чудесная! Настоящая волшебница! Шить умеет, вышивать тоже, прекрасно готовит. Работачка. В доме у нее такая чистота! Кругом цветы... Попы сверяют, как янтарь. Хоть мое дело и азакон людоед. Такая не женщина! Клавуся аллахом, я уже ее устроила. Завтра свадьба. Невеста точно по тебе, сыночек! Она немного старше тебя, но это пустяк. Было бы счастье в доме! К тому же женщина в летах лучше знает цену мужу...

Я не склонен переоценивать себя. Моя профессия — журналист. Если сегодня закончат нашу работу, я останусь без работы. Если завтра патрону вздумается прогнать меня, я окажусь на улице. А после завтра за грехи газет моего могут посадить в каталажку. Да и кто знает, что может случиться еще?

чтится еще! А будет семья — будет пристанище. Если жена действительно окажется такой умной и приятной, она всегда утешит и успокоит. Как-нибудь переживем...

Так мы и поженились с Махмуре. Наутро после первой брачной ночи я проснулся от страшного грохота. Поворачивая голову — Махмуре рядом нет. А грохот такой, что стены дрожат. За окнами еще темно. Я вскочил с постели и вижу: моя Махмуре сидит за швейной машинкой (она ее получила в приданое) и знает себе строчит.

«Действительно, мне повезло, — подумал я. — Жена трудолюбивая!»

Спрашиваю: — Что ты шьешь, Махмуре?

— Тебе пижаму.

Я опять уткнулся в подушку, но заснуть не мог. Казалось, мой мозг пристраивается к черной коробке. Пришлось встать. Хотел было подойти к умывальнику умыться, но над ухом словно бомба разорвалась.

— Не наступай!

— Я отскочил в сторону и глянул на пол. Думал, змея. От страха сердце в панику ушло. А Махмуре говорила: — Куда наступалешь? Я только что вымыла пол горячей водой с содой. Разве можно его топтать?

— Хорошо, но что же делать?

— Иди, когда проснешься, я шпатель к двери, хотел выйти на кухню. Вдруг Махмуре как заголосит:

— Ах, что он делает! Что он делает-а-а-а!

— Что я делаю, Махмуре!

— Он еще спрашивает! Схватил мокрыми руками за дверь и еще спрашивает!

— Ну, ах, томилась! Ах, томилась! Я шаркала пальцами и хотел обернуть им руки. Но тут опять вопль:

— Ах, мне душно!

— Что еще страшное, Махмуре!

— Кто же вытирает руки белоснежным батисвовым платком! Дай сюда, брошь в корыто с известью!

— Милая, да ты строже, чем цензура!

Жена взяла из моих рук платок белым клочком бумаги. Я подошел к дивану и сел.

— Ну, ах, томилась! Ах, испортила! Испортила! — закричала Махмуре и оттащила меня от дивана. — Разве ты слепой! Я только вчера стирала дорожки, красящими, гляди!

Понурия голову, я сел на деревянную табуретку и, боясь шевельнуться, сложил руки на коленях. А Махмуре опять бросилась к швейной машинке, и снова стены комнаты задрожали от грохота. Простите за откровенность, я не смел даже выйти в туалет. В ушах у меня звенела гонимая Махмуре: «Сто-о-о-о-о! Ну-а-а! Ой! Ах!»

Рисунок Е. Водерникова.

Наконец Махмуре отложила шитье в сторону и накрыла стол для завтрака. Ах, это было чудо! Такого извещения, такой красоты я не видел еще никогда. Стаканы, ложки, ножи, слепили глаза, сквертер сверкала белозной. Мы сели друг против друга. Я взял ломтик жареного хлеба и стал намазывать его маслом.

Вдруг опять возглас:

— Ах, урони! урони!.

— Что урони!

— Пропал мой труд! Как я старался! Ах, что мне теперь делать!

Оказывалось, я уронила на сквертер крошку хлеба. После каждого моего движения следовал истонный вопль, я то и дело вздрагивал.

Летели дни. В конце концов я превратился в пугливое, забытое существо. Я боялся шевельнуть ногой, моргнуть глазом. Зато в доме у нас царил абсолютная чистота, идеальный порядок!.

Во время первого посещения мать спросила меня:

— Ну как, изменился жених?

— Очень! — ответил я. — Лей масло и линки...

У нас в доме всегда стоял такой грохот, словно мои жили в машинном отделении океанского парохода. Чего только Махмуре не шила! Блузки и ночные сорочки для себя, пижамы и рубашки для меня, распашонки для наших будущих деток, одедала для будущих внуков... Махмуре обладала нечеловеческим усердием. Его с избытком хватило бы на двадцать тысяч мужчин, как я. Один только пижам, которые она мне шила, могло бы хватить на всю жизнь и детям моих детей. В один день, когда Махмуре перешла наконец все предметы личного пользования и можно было спокойно отодвинуть от швейной машины, я коротал досуг за чтением книг и газет. Однако, покинув с нательным бельем и верхней одеждой, Махмуре привела меня: полотенца! полотенце для посуды, полотенце для рук, полотенце для ног... Сам я в доме ничем не отличался от тарелки или стула. Вернувшись вечером с работы, я усаживался на табуретку и не двигался часами. Стоило мне шевельнуться, как сейчас же раздавался:

— Ах, пролил!.. Испачкал!.. Испортил!

Казалось, я превратился в блуждающего котенка, который только и делал, что пачкал.

По приказу жены я снимал ботинок возле порога на лестничной площадке. Там же она мне выносила пижаму, раздавала догала, меняла мне нижнее белье, а затем окунала мои ноги в миллилитровый содовый раствор... Я испускал стоны. После этого она протирала мне лицо и голову мокрой тряпкой, сдирая при этом кожу, как картофельную кожуру, осматривала ногти, уши и только тогда впускала в комнату. И тут начиналось: «Стоит. Не наступай!.. Испачкал.. Не садись!.. Ты помал!.. Не вставай!.. Ты пролил!»

Я каждый день менял белье, каждый день надевал новую красную сорочку. И все-таки вечером слышал:

— На кого ты похож? Можешь, ты вальсешь на улице? Грубо-чисто! Фу, какой ты засаженный!

В конце концов я и сам поверил в свою неряшливость. На этой

поче у меня начался шизофренический приступ. Давно на работе в с отделении сидела на стуле, боялся провести рукой по столу. А дома, столешница не взят стаканы, раздавались: — На стекле отпечатки твоих пальцев!..

Если же мне все-таки удавалось написать, Махмуре кричала: — На стекле отпечатки твоих губ!

Виз из кожи, чтобы угодить моей дорогой Махмуре, и все-таки она оставалась недовольной. Махмура не спала и четырех часов в сутки. Она все время шла, хакала при мне, поднимала лапы. Мы ни разу не поговорили с ней как муж и жена. Все наши любовные разговоры начинались и кончались на одном: «Ах, прощай. Ох, испачкался!»

Наконец кое-то терпение лопнуло. Однажды вечером, вопреки своему обиходу, я написал... Написал удивительно, до чертиков. Бегая вперед на ногах, я вошел в комнату. Махмура была поражена.

— Эй, симки тудин!.. крикнула.

— Пошла ты!.. оборвал я ее. Бедняжка остолевшая. Я сделал по команде круг, оставляя на чистых половиках ошметки грязного. Сегодня я решил отомстить тебе за все. Диван был застелен белым кружевным покрывалом. Я кинулся на него. Махмура забила, в истерическом припадке... Натро я был в комнате один. Выяснилось, что Махмура вечером «скорая помощь» увезла в больницу.

В больнице она пролежала сороч дней. И все эти дни я отдался. На сороч первый день Махмура переелась ка своими родителем.

Я не могу с ним жить!.. — заявила она мне. Это отвратительный тип. Грязное животное, сыня!..

Так мы растались. После этого я долгое время не женился. Мне казалось, что все женщины такие же, как Махмура. Я боялся, что они превратят меня в трактир, вареную курочку. Но мой дядя проявил упорство, настоял на своем, и мне пришлось совершить глупость еще раз.

Назан была дочерью нашего знакомого Хаджи-аги. Я уже говорил, что дядя был страстным почитателем «культуры», поэтому он и настоял на этом браке. Дей-

ствительно, Назан оказалась культурной женщиной. Когда мы в первый раз сели с ней ужинать, я попросил:

— Назан, дай мне, пожалуйста, соль.

Назан удивленно вскинула на меня глаза, словно я обратился к ней по-эфиопски. «Может, я спорю какую-нибудь глупость?..» мелькнуло у меня в голове.— Ведь это же элементарная вещь!.. — Соль!..— робко повторил я. — Вы просите натрий-хлор!.. — обрезала меня Назан.

Откровенно признаться, такой стилизованной культуры я был ошеломлен. Назан еще несколько раз поддела меня. Когда же мы встали, она сказала:

— Ну, а теперь почитай мне стихи.

Я ошел. Странная просьба! Что я мог ей предложить.. А Назан добавила:

— Я люблю поэзию, я люблю чистую поэзию!

— Назан, я не знаю наузас!.. — Чтот! Но ведь ты назвалась литератором! Какой же ты после этого литератор!..

Я пытался объяснить Назан, что читать стихи ни с того ни с сего, без всякого повода очень трудно. После долгого устного я вспомнил какую-то таринную газету. Предукаминировал.

— Да разве это стихи!.. — смеялась Назан.— Я никогда не поила. Какая-то бессмыслица! Чтн это!

— Поэта Галиба.

— О! Назан, Галиб был не только артист, но и поэт!

Я объяснил своей культурной жене, что Галиб-поэт и Галиб-артист — это разные вещи. Весь вечер Назан не давала мне раскрывать рта, болтала об искусстве, путая при этом писателя Абдул-Хак Галиба с сунтусом Абдул-Гарем Кемаль Тенгирше—родственником младан Чак-Иш-ши. Речь Назан была пересытана иностранными словами, которые я все старелся.

С того самого дня, как мы поженились с Назан, в нашем доме стала непраздочная грязь. В комнате не убирались лексисами, обеды никогда не готовились. Назан ничего не хотела делать. Я смирился с этим. Но не смирился Назан. Однажды, вернувшись с работы, я обнаружил в доме. А на другой день мои родители получили записку:

«Вы слыси!.. невоспитанный, некультурный, невежественный тип. Такой тонкой, деликатной, культурной душе, как я, невозможно в нем жить!» Назан.

Вот так я остался «обойден» во второй раз. Тут был момент образования. Такого же жила, я влюбился. Да, да, влюбился до безумия, до ужаса! Ах, она была чудот! «Ну», сказала я себе,— это твои судобы! Короче говоря, мы встали в дом. А Лили (настоящее ее имя было Лейла).

Только мы вышли из бюро регистрации браков, Лили говорит: — Сегодня я пригласила к нам своих друзей.

Это мне показало немного странном. Это да простота брачной ночи, а уже такое самоуверенство. Принять решение, не посватовавшись со мной!..

На первый раз я решил не скандалить. Прихожу домой. Алах всемогущий! Комната полна друзей-франтов, стляг, шеголей

на американский манер. Алах, алах!.. Только мы переступили порог, Лили и какой-то стляг кинулись друг другу в объятия и горячо расцеловались, словно влюбленные после сорока лет разлуки. Но успев я опомниться, как Лили бросилась на шею второму здоровенному детине. А через секунду ее обнимал уже третий франт. Другой же мой знакомый, чтобы спасти честь жены, вытаскивал бы мистовел и — бах!.. бах!.. бах!.. Но я этого не сделал.

Когда все гости были расцелованы, моя жена бессильно опустилась в кресло. Шеки ее пылали. Я с трудом приблизился к ней и, решив проявить мужскую власть, спросил грубо:

— Кто это такие, охны!

— Что с тобой, пененки!..

— Улыбнулась жена.— Или ты ревнуешь! Они не просто целуют, они поздравляют меня с замужеством!

— Хорошо, Лили, мы поженились, но при чем здесь они!

Лили не успела ответить. Какой-то франт ухватил ее к бубету. Послышав за шумом, бросился к нему Лили, но опоздал... Какой-то другой франт обнял ее за талию и закружил вальсе.

«Ничего», — утешал я сам себя,— терпи! Как бы там ни было, Лили принадлежит тебе. Настает и твой очередь!»

Прошла полночь, а моя очередь все не наступала. Лили перешла из рук в руки. Наконец я уловил момент и поймал ее.

— Лили! — закричал я.— Что за безобразия! Кто эти типы? Я ничего не знаю.

А Лили в ответ:

— Милый, ты с луны свалился! Я вижу, ты никогда не встречался с высшей общицей.

— Лили! — говорю я.— родная! Ведь мы еще ни разу с тобой не танцевали. И, кроме того, я не знаю этих людей.

Тут Лили схватила меня за руку и потащила за собой, как собаководу.

— Мой муж! — представила она меня кому-то франту.

Франт ухмыльнулся. Лили потащила меня к другому франту и опять:

— Мой муж! Франт презрительно сморщился и промолчал.

— А?.. Вот как!

«Да, именно так! — подумал я про себя.— Чтн, не нравится!»

Лили представила меня всем своим друзьям. Один морщился, другие вообще не смотрели в мою сторону, третий презрительно ухмылялся.

На рассвете друзья Лили разошлись. Мне сразу же усталость. Не помню, где я спал в эту ночь.

По вечерам я заставлял Лили в колпачки то одного, то сразу нескольких мужчин. Кто был школьным товарищем, кто знакомым по пляжу, кто кузеном, кто соседом. Словом, «кулуаж» среди них не было.

«Эх, Махмура! — вздыхал я по ночам.— Не твою ли это прокламацию! Или, может, это колдовство Назан!»

Каждый вечер у Лили развлечение: или чай у нас, или она куда-нибудь приглашала. У меня голова шла кругом. Без конца чаи, балы, вечеринки, пошеры, блинчики, котлетки... Я почти не работал, почти ничего не читал, почти не видел лица своей собственной жены!

А случалось, я совсем не заставлял Лили дома.

— Ушла в парикмахерскую! — говорила мне.

Лили оказалась беспоконной женщиной.

Однажды вечером мне принесли от парикмахера счет: 58 руб 74 копейки. Супервайдер высчитал мне до последнего копейки стоимость вымытых, расчесанных, покрашенных, столько-то за маникюр, столько-то за педикюр.

«Ах, Лили! Ах, проказница!»

На следующий день мне подарили сразу четыре счета! Подарка от праичи, от цветочницы и от кондитера.

В конце концов я оказался банкротом. Меня два года таскали по судам.

Раставшись с Лили, я покаялся не жениться до конца своей жизни. Но мы должны знать, что если мужчина дает разор никогда не жениться, может быть уверенно: он сделает как раз наоборот. И я это подтвердил многократно.

Откровенно говоря, я даже не понимаю, сколько у меня было женихов. Но все равно считаю, что пора уже описать, у меня бы на это ушло столько бумаги, сколько было сделано в архив отчетов уважаемых инструкторов спецназначения, выписанных правительством за пять миллионов руб из Европы и Америки для консултации по водоснабжению жилищ городов.

Ну вот настала моя очередь и опять покаялся остаться навеки холостяком. Признаться, у меня уже не было сил любить. Супружеская жизнь измотала меня вносиче. Я превратился в развалюху, не говоря уже о материальном банкротстве. Я клевал носом за прелемиками в кофейнях, бегая попутничеством чаем и питьем.

Как-то в кофейню ко мне подошел мой старый приятель.

— Боже, на кого ты похож! — ужаснулся он.

— Во всем виноваты женщины! — сказал я и коротко поведаль

другу о своей последней женитьбе.

— Положение можно исправить только новым браком, — посоветовал приятель.

— Это невозможно! До того ли мне! Мне не до того купить даже сигареты!

— Тем лучше! Поэтому тебе и нужно опять жениться! Ты знаешь генерального директора коммунальных служб?

— Нет, не знаю.

— Это было полнейшее ничтожество! Ты понял? Но я женился его, и он стал генеральным директором. А директора Промышленного банка знаешь!

— Слышал...

— И его я сделал человеком. А какой был неупутный! Генеральный советника министерства иностранных дел знаешь!

— Не-е-е-е-е.

— В прошлом сущий ослеп! А я женил его, и он стал богат, как Крез. Директора управления порочных служб знаешь!

— Видел портрет в газете.

— Его в томе женил и сделал человеком. А ведь это был نابитый дурак! С профессором Лоботриксниковым ты, кажется, знаком!

— Немного...

— Это был настоящий олух. А теперь, смотри, благодаря мне он стал профессором! — Мой друг замалкивал на меня рукой: — Молчи, молчи! Ты видишь складки дураков, невежд и идиотов я сделал людьми! Чем ты хуже их!

— Нет, нет, я не могу этого сделать!

— Да тебе и не придется ничего делать! Делать буду я.

— Если так, почему ты сам не женишься!

— Тренер может сделать из борца или боксера мирового чемпиона, но сам он в соревнованиях не выступает. Вот так и я... Я тренер!

И мой друг опять принялся рассказывать о том, сколько неведов он сделал генеральными директорами, крупными начальниками, богачами...

— Вы — профсоюз! — заявил он мне. — Вы не умеете жениться. Такие голландцы, как ты, должны пробиваться в политические ловушки и с помощью временного теста захватывать руководящие посты. А потом тнуть нас!

До сих пор ты женился, как любитель, а теперь я тебя сделаю профессиональным мужем.

Я не стал ломаться и принял предложение приятеля. С этого дня началось мое карьера в области политического вожитства.

— Слушай внимательно! — сказал мне мой тренер. — Завтра я поведу тебя в дом одного очень большого человека. У него есть перерывная дочь. Бедняжка не пользуется популярностью, но зато ты короткий срок станешь человеком.

Мое первое политическое вожитство увенчалось успехом. Через месяц в газетках появилось большое объявление.

«На церемонии бракосочетания госпожи... такой-то, дочери известного лица в нашем городе господина... такого-то, с господином... таким-то присутствовали такие-то господа».

Словом, я опять окунулся в семейную жищу.

Но мой тренер вынашивал другие планы. Ожидая он заявил мне:

— Ну, пора! Теперь ты должен развестись.

— Послушай, не надо... Покалей нас! — кричала я его утрачивать. — Мы хорошо живем. Слава аллаху, я счастлива.

Но тренер был неумолим.

— Я нахожу в тебе снисходительность, — ты можешь стать крупным государственным деятелем.

Наконец дело о нашем разводе было рассмотрено в суде, и я по политическим соображениям растался с женщиной, на которой и женился по политическим соображениям. Свой развод я мотивировал скверным характером супруги.

Но, раставшись с женой, я не растался с высоким постом, куда взлетел благодаря ее родителю. Через неделю тренер женил меня еще раз.

Благодаря своему второму политическому браку я появился в должности сразу на две ступени. Со своей второй политической супругой мне не пришлось прожить и полгода.

— Ты тот человек, которого я ищу уже много лет! — сказал мне тренер. — Крепись!

После третьей политической свадьбы меня направили в Европу в качестве главы экспертной комиссии. На обратном пути я не без помощи пристра с собой восматрихил неких шуб, четыре холодильника и пять автомашин.

С тех пор я по несколько раз в год женился и разводился по политическим соображениям. То же самое я делал и сейчас.

Я проиную по радио речи, читаю публичные лекции, руковожу, составляю планы процветания страны и дуваю про себя: «Каким я раньше был дураком! Как поздно я узнал о своих сношениях! Сколько времени я потратил на своих первых, слабых мужах!»

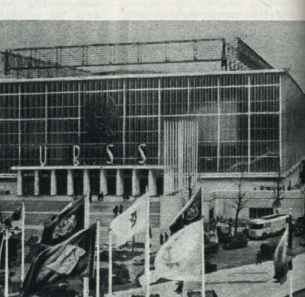
Итак, я стал политическим ловеласом. Мое богатство умножается с каждым днем. И с каждым днем я все выше и выше поднимаюсь по политическим лестницам.

Жизнь! При таких темпах я скоро стану вершителем ваших судеб!

Сокращенный перевод с турецкого И. ПЕНЧЕВА.

БРЮССЕЛЬ, ПАРК ХЕЙЗЕЛЬ...

Общий вид советского павильона.

Утром 17 апреля широко распахнулись главные ворота «Форт Руаяль», и тысячи жителей Брюсселя, туристов из больших и малых стран заполнили огромный парк Хейзель, где разместилась Всемирная выставка.

Какому же павильону отдать предпочтение? Болея ста дюймов, над которыми развеваются флаги почти пятидесяти государств и нескольких международных организаций, привлекает необычайностью своих форм, легкостью конструкции красотой. Все они сделаны из бетона, стекла и алюминия. «Чудо XXI века» — так

отозвались о павильонах первые же посетители.

Вот прохаживая на огромную птицу с прозрачными крыльями павильон Франции. Гигантский цилиндр из плексигласа и алюминия — павильон США.

Над всей выставкой возвышается 102-метровый Атомium — ман бы увеличенная в 150 миллиардов раз структура элементарного кристалла молекулы альфа. Все девять сфер Атомium соединены между собой трубами, внутри которых по лестницам и лифтам движутся посетители. Атомium символизирует будущее, грядущий век атома и стали.

ЧТО ВОЛНУЕТ ВАЛЕРИЮ?

В редакцию пришло письмо от ученицы одного из архангельских техникумов Валерия В.

Вот что она писала:

Дорогая редакция!

Еще в прошлом году в «Смене» я опубликовала новогониде повеления читателями. В одном из этих повелений говорится, как важно для молодежи не расстраивать жизнь поступая, а строить ее так, чтобы она шла собой, образуя служения народу. Только сделав в этом отношении все, что в его силах и возможности человека, поступила в техникум. Многие мои подруги говорят, что жизнь каждой девушки непременно будет ограничена семьей, что самое большее, что можно получить, — это быть любимой женой. И я вполне согласна с таким мнением.

У нас в группе нет дружного коллектива, но в последнее время поставлена ялохо. Каждый субботу или один раз в неделю куда-нибудь «побегаем». А на танцах всегда один и те же лица, один и те же шашкетки и серые стены зала. Мне все это ужасно надоело. Неужели будет

так, окончу техникуму, пойдя работать, выйду замуж, потю дети, семья, и буду я бегать по базарам, заниматься разными хозяйственными мелочами, а в этом будет заключаться вся жизнь? Но что и я могу сделать?

Валерия В.

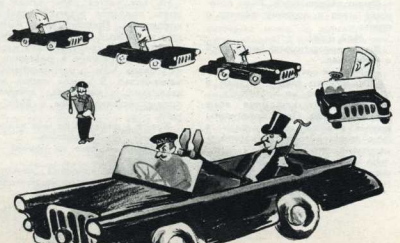
Поскольку вопросы, затронутые девушкой, представляют, на наш взгляд, интерес не только для нее одной, мы попросили писательницу Елену Катерию ответить Валерии.

Дорогая Валерия!

Одновременно с вашим письмом, которое мне прислала редакция, я получила письмо от девушки из Украины. Оно заключалось почти так же, как ваше, — вопросом: «Что я должна сделать?»

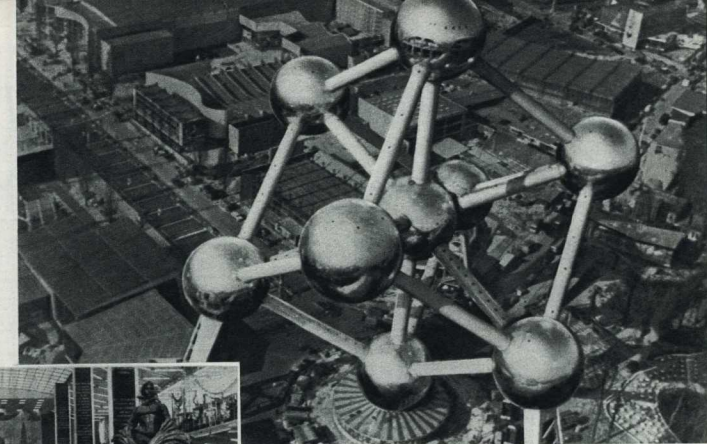
Украинка, как и вы, учится в техникуме. Только будущее ей рисуется совсем по-другому.

«Закончив техникум, — пишет она, — я стану строителем. Буду возводить дома, школы, клубы. Постараюсь попасть в такие места, где будет строиться не отдельный дом, а целый город или поселок... Кроме того, мне хочется быть артисткой, потому что я очень люблю театр, занимаюсь в драматическом кружке и участвую

Но самой большой популярностью пользуются, как пишут западные газеты, павильоны социалистических стран, и, конечно, в первую очередь павильон Советского Союза. «Браво, СССР!» — так начинаются многие записки в книге отзывов о нашем павильоне. Советский павильон — один из самых крупнейших на выставке. Его длина — 150 метров, ширина — 72, а высота — 22 метра. Крыша и стены советского павильона не опираются на фундамент, как в обычных строениях, а подвешены на тросах, спускающихся с обоих пар стальных опор. Через полупрозрачные стены павильона, сделанные из стекла и алюминия, наиболее нетерпеливые посетители просматривают обзор стенов еще задолго до официального открытия.

— Браво, СССР! Браво, Ленин! — часто слышится то около большого живописного павильона «Москва», на фоне которого установлена монументальная скульптура В. И. Ленина, то в живописном павильоне «За мир», символизирующего мирную политику нашего государства по отношению к Советским спутникам Земли.

Вид Атомiumsа с самолета.

Восемнадцать разделов советского павильона знакомят посетителей с общественным и государственным устройством нашей страны, ее промышленностью, сельским хозяйством. Особенно многолюдно у раздела «Атомная энергия в мирных целях», где экспонируются макеты первой в мире атомной электростанции и первого в мире атомного ледокола.

В книге отзывов появились множество теплых записок о действующих макетах Сталинградской ГЭС, угольной шахты и буровой установки, турбобуров и электробуров, а в разделах новых самолетов «ТУ-114», «ИЛ-18» и «АН-10», речных судов на подводных крыльях, о советских машинах

«Волга» и «Москвич», о телевизорах и радиоприемниках. Любопытно прощаются посетители и туристы около раздела «Женщины в СССР», «Здравоохранение», «Образование». Научно-исследовательская работа в СССР, с интересом рассматривают и обсуждают макеты наших санаториев и больниц, жилых домов и стадионов, потом подходят к сотруженной павильона, крепко жмут им руки, возмущаются.

— Зачем же нам говорить о вас неправду! Взаимопониманию народов, их знакомству, дружбе и долгу на послушать Брассельская выставка, прогресс которой — Чехословакия и прогресс! — А. НИКОЛАЕВ

Всегда многолюдно в советском павильоне...

в спектаклях. Еще я думаю завоевать первенство по плаванью, и вообще мне очень много хочется, например, стать писательницей. Я пишу стихи для нашей техникумовской центральной газеты. Но у меня не хватает времени записывать все, что приходит, и я прошу посоветовать, кто я должна делать, чтобы не ошибиться, где я привнесу больше пользы людям.

Писмо украинки переключается с мыслями многих наших юношей и девушек. Перед ними открыты такие широкие горизонты, такие возможности удивительно расширились. И я не могу себе представить, дорогая Валерия, чтобы ваши сверстники не сумели организовать нечто более интересного, чем танцы под радио.

« Вы жалуетесь: у нас в группе общественной работы «поставлена плохая», А что виноваты в этом? Вы и ваши подруги! Везь веселую, интересную, полезную жизнь не выдвигая где-то по талонам, а создавая самим человеком. Мне даже непонятны ваши жалобы на скуку непонятно такие слова: «Все это ужасно надоело». Если надоело, так надо бороться за то, чтобы жизнь вокруг заблила ключом!

Многие юноши и девушки не любят, когда старшие приводят в пример свою молодость. Но я все же расскажу один случай. В 1924—1925 годах группа заводских ребят, в том числе и я, вытаскивала заводскую газету. Газета была стесная, выходила каждую неделю, и мы старались сделать ее не только боевой и интересной, но и красивой. По вечерам, после работы, мы собирались в столярном цехе, обсуждали заметки, а потом, разложив на полу листы бумаги, аккуратно переписывали их от руки.

С каким увлечением занимались мы этим! Как радовались каждому удачному рисунку, каждому смешному стихотворению, острой карикатуре! Иногда мы заканчивали работу поздно ночью. Мне на всю жизнь запомнилась такая картина: чистый снежок запырялся заводской дым, ярко светятся окна цехов, где трудятся вечерняя смена, последние трамваи бегут за воротами, а мы идем с готовой газетой к шиту.

В те годы нам и в голову не приходило требовать, чтобы кто-то организовывал и устраивал для нас развлечения. Не было клуба, и мы сами оборудовали в пустующей церкви зал для спек-

таклей и концертов, сами мастерили костюмы, сами добывали грим, сами упрямывали актера из городского театра заниматься с участниками драматического коллектива. Мы очень хорошо понимали: у государства немало забот поважнее, чем организация развлечений для молодежи.

Когда я сталкиваюсь с жалобами, подобными нашим, мне делается обидно. Как могут молодые люди сетовать на скуку? Они сами должны заботиться о себе, да и не только о себе, но и о нас, людях старшего поколения, которые всегда рады посмотреть и хороший самодеятельный спектакль и интересное выступление спортсменов, танцоров, музыкантов.

Меня удивляет также, что оду из больших радостей человеческой жизни — любовь, семья, дети — вы тоже представляете себе в мрачном свете: «взгляду заблуж, потом дети, семья, буду бегать по базарам...» Конечно, можно и так строить жизнь, но сколько мы наблюдаем вокруг других примеров! Мы видим молодые семьи, занятые общим трудом. Видим молодых родителей, для которых воспитание детей — радость и отрада. Бесстрашно отправляются эти семьи на службу, на постройку и ве-

дут свою жизнь без «ругани» и без «слетения».

Но такие семьи — счастливые, дружные — возникают у тех, кто имеет в сердце большое чувство, у кого есть любимая работа, общие интересы и стремления. Если у вас нет степеней, как в картах, организовать кружки самодеятельности. Разверните любую газету, и вы увидите, какими прекрасными делами заняты ваши сверстники в городах, колхозах и поселках. Неужели их привлекает и вдохновляет не, но будет желания быть активным участником жизни? Неужели вы больше нравитесь стоять в стороне и ждать, пока кто-то пригласит интересное дело? Надеюсь, что это не так.

Елена КАТЕРЛИ

От редакции. Этот материал был написан писательницей Еленой Катерли незадолго до смерти.

ВОЛОГОДСКНЕ

КРУЖЕВА

Вологодские, северного рисунка кружева, передающие красоту русской природы, широту русской души, издавна славились в городах и рынках не только России, но и Европы. Они успешно конкурировали с венскими, сиенскими, люневильскими кружевами. Однако мастерами-художниками, создавшими их, оставались неизвест-

ны хочется. В архиве пришло письмо 1927 году, сразу на то, что она организовалась... Мастерство кружевницы не передавалось, и понадеясь на покровление, Синином любил учить красавицу, и Синином дошло было имя это древнее искусство Севера, чтобы гордиться его и найти работу додохде.

В архиве хранится большая альбом с образами акварных узоров. Тут описаны «северянки», «березняк», «дровняк». Сколько в них было работы и сколько вложено труда! На стене в рамке под стеклом висит диплом: «Париж. 1927 год. Большая премия». Это памятник о всемирном выставлении. Идея вологодских кружевниц демонстрировалась и на недавних международных выставках в Германии, Дании, Болгарии, Италии.

Если вам доведется летать на скоростных советских лайнерах «ТТ-104», то знайте, что штурм, салфетты, подлокотники для удобства укачивают салон самолета,— это дело рук комсомолок Лиды Валуевой, Зины Баклаковой, Нины Смирновой, Али Киселевой и многих других.

Комсомольцы артили подруги и VI Всесоюзному фестивалю молодежи и студентов в Москве — кружевной композицией, изображающую Спасскую башню и полукруглую прозрачную арку, а над ней голубей мира. Вести рисунок окружен красивым орнаментом. Над фестивалем наша работница четыре месяца добывала брильянты. Кружевная композиция получила высокую оценку специалистов. Часть ее изображена на почтовой марке.

Работы вологодских умельцев можно увидеть и на открывшейся Всемирной выставке в Брюсселе. Для этой выставки кружевницы привезли два больших занавеса — «Сирень» и «Зима». Размер «Сирень» — 4,2 метра, а в ней пятсот цветов, а занавес «Зима» изображен четырем часам.

На выставке «Зима» изображено множество сюжетов. Оба занавеса украсит советский павильон.

В. ЖУКОВ

АВТОМОБИЛЬ-ВЕЗДЕХОД

Не каждому известно, что происходит машина зависит не только от местности, но и от давления воздуха и порывных колес. Чем меньше давление воздуха, тем больше порывная поверхность у покрывающей, тем лучше проходимости.

До каких же размеров можно снизить давление? Ведь с незначительными значениями далеко не уедешь. Знаете, существует предельное давление, нарушение которого приводит к отрицательным результатам. Вот эти вопросы заинтересовали аспиранта Московского высшего технического училища Юрия Шаринкина.

В лабораторию научно-исследовательского автомобильного и моторного институт, где Юрий работал, был оборудован специальный автомобиль для изучения этих вопросов.

Вот вам проведено испытание: машину гусеницы по песчаной местности, по сильно заснеженной, участкам дороги. А весной, в самотеку распутицы, автомобильно можно было увидеть на полях Измайловской МТС Ленинградской области. Дальнейшие исследования показали, что существуют оптимальные давление воздуха в шинах, при котором достигается наилучшая проходимость. Это давление колеблется в пределах от 0,8 до 1,3 атмосферы и зависит от типа грунта.

Централизованная почта имеет намерение улучшить проходимости автомобилей,— рассылается Юрий Шаринкин—Соблюдая определенные типы машин конструкторы Горьковского, Ярославского и Московского автомобильных заводов устанавливали специальное оборудование. Кроме того, создаются специальные шины малого давления и оригинальной формы. Такие «бушны» автомобилей будут не страшны сильному снегу и заснеженным топам.

Инженер Я. ГОЛОВАНОВ

Вокруг каждой цифры по ходу часовой стрелки пишутся слова. Начинать надо в поле со стрелком, идущим от соответствующей цифры.

1. Дарование. 2. Путешественник. 3. Вулканическая горная порода. 4. Пома. 5. Владимир Маяковский. 6. Курорт в Крыму. 7. Спектральная строфа из десяти строк. 8. Временное пользование за определенную плату имуществом или жилищем. 9. Оборотная сторона монеты или медали. 10. Французский писатель-реалист XIX века. 11. Прыжок для измерения глубины моря. 12. Мужская одежда невесты. 13. Огромная глыба снега, извергающаяся с горной вершины. 14. Персонаж оперы П. Чайковского «Черевички». 15. Часть автомобиля. 16. Славяне, не поддавшиеся окрестности. 17. Термидорный переворот. 18. Мленинское возмездие. 19. Рисунок с аттестационным текстом. 20. Народный поэт латгалинцев. 21. Богатое большое здание. 22. Выше воинское звание. 23. Часть фотографии. 24. Общественное, не переводимое дословно слово. 25. Язык. 26. Реальное произведение. 27. Равноденствие, солд. 28. Фотосафари. 29. Свойство земного самолета по вертикальному взлету. 30. Славянский племя. 31. Славянский племя. 32. Металлический резервуар для хранения газа.

ЧИТАТЕЛИ РАСКАЗЫВАЮТ

ветской Союз», а этот остался.

Возле медвежника на корабль,— предвидя кто-то из моряков.

И вот новый член экипажа выбирался по трапу на палубу.

Медвежнику дали ключи «Танка». Оселось он быстро. В первую очередь взглянул, где валялся, чтобы поблагодарить судорож и катушки.

Растет Танка быстро и с каждым днем становится все забавнее. Матросы пугаются Танку и бегут по ее сахарам, конфеткам. Медвежников особенно пристрастился к компоту. Выл слух, когда по его вине команда осталась на обед без третьего. Танка, проказничая по кораблю, обнаружива бачон с приготовленным к обеду компотом,— вывала всю до дна. Медвежников, как и все на корабле, поучились раскладывать дачу. Идет, например, приборка, он тут как тут часиком шашку, заматывает с матросами. Отправляется корабль в поход— Танка забавляется на мостик.

И в штурманском медвежнике привнес, свободно разгуливает по палубе. Лично однажды вылез на мостик, и в руках баллон, пришлось ему сплестись в уральном.

Так и живет на корабле любознательная вся команда— Медвежником Танка.

Текст и фото капитан-лейтенанта Г. СЕТЕДИ.

ЛЮБИМЦА КОМАНДЫ

Летом прошлого года в стояние нашего корабля дошел человек с медвежником на руках. Его сразу же окружили матросы. Каждому хотелось поглядеть обитателя камчатских лесов. Команда медвежника оказалась местным охотником. Он рассказывал, что недавно вместе с товарищем убил крупную медведицу и забрал двух медвежат. Одно уже отдали на пассажирский пароход «Со-

НЕОБЫЧНЫЙ УЛОВ

В это утро рыбаки, как обычно, вышли поднимать сети. Выбрали один невод, другой, третий. Серебристым потопом рыба хлынула в корыта. Но вдруг в брызгах, торжества Сычева произошла ванина. С большим трудом рыбаки вытаскили невод, и на него на борт кинулся шлепнулся большой свин, или, как его иногда называют,

морской лед, килограммов на 250 весом. Наш катер выскочил рядом. Увиден свинца, я бросился за фотоаппаратом. Хитрин пробрал на катер, несколько минут, и прежде, чем он прыгнул в невод, я успел его сфотографировать.

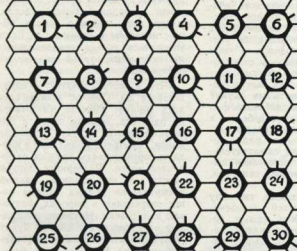
В. САМХАНОВ-СУРСКИН, моторист. г. Усть-Камчатка.

Первая страница обложки: «Танец чабанов» в исполнении танцевального коллектива Ванисского Дома культуры трудовых резервов. Фото М. Мурашова.

Четвертая страница обложки: Солнечный пейзаж в исполнении И. Перова. Фото С. Савицкого. Молодежи и студентов Рима Курманова и Рано Курманова исполняют хоремский танец. Фото Л. Раскина.

КРОССВОРД

Составил В. Родькин (г. Гомель)

Главный редактор М. А. Вельчикова.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28. Ид. № 462.

Тел. Д 334-24.

А 0422.

Подписано к печати 28IV 1958 г. Тираж 360 000 экз.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Редколлегия: Г. Гуляев, Е. Долматовский, Н. Жуков, М. Лукин, А. Ремезов.

Технический редактор О. Швова.

1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

За лидером.

В облаках под "облаками"

Эти рисунки принадлежат не профессиональному художнику. Пожалуй, можно догадаться, что автор их не иначе, как заядлый альпинист... Марк Трахтман действительно альпинист-второразрядник. Ему 28 лет. Работает он инженером-конструктором на одном из московских заводов.

Воздушный поцелуй.

ЭТАПЫ СПОРТИВНОГО РОСТА

Новичок-альпинист.

Значкист.

Разрядник.

Мастер спорта.

— Я поднимаю этот бокал...

...Мы шли, механически переставляя ноги и не замечая ничего вокруг.

— Нет, в такой обстановке невозможно спокойно работать!

Цена номера
2 руб.

